

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342

В. Д. ПОЛКАНОВ

Омский государственный
технический университет

«ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ» ВНОСИТ СУМЯТИЦУ В СТРАНЕ И БРОСАЕТ ВЫЗОВ КОНСТИТУЦИИ РФ

В статье рассматривается основная сущность идеи «десталинизации»: ее «острие», по мнению автора, направлено, главным образом, не против Сталина, КПСС, а объективно, на создание в стране общественной смуты, на ревизию основных пунктов ныне действующей Конституции Российской Федерации...

Ключевые слова: «десталинизация», М. А. Федотов, смута, Конституция РФ.

Чужда ты, Россия! Действительно, умом тебя не понять. А как хотелось бы! Ну когда же закончится это глумление: то Россия поднимается с колен, а то уж совсем разрывается на клочья, безоглядно и дерзко уходя из конституционного поля...

Что за «нечистая сила» толкает нас в бездну смут и разлада в стране? Стыдно и обидно перед нашими предками Александром Невским, Дмитрием Донским, Кузьмой Мининым, Дмитрием Пожарским, Петром Первым..., которые бились за честь и достоинство Великой России. А мы же сегодня добровольно, порою даже с игривым сарказмом, бросаем страну в унижения и раскаивания.

Мятежный импульс в это напряжение в последнее время внесла так называемая идея «десталинизации», инициатором и методологом которой выступил советник президента, председатель Совета при прези-

денте России по развитию институтов гражданского общества и правам человека М.А. Федотов. Имя его сегодня более чем на слуху. То есть первый шаг к своей широкой известности он сделал. А потому интерес вызывает не только идея, но и сама личность человека: «Кто Вы, господин Михаил Александрович Федотов?»

Прежде всего, при анализе его биографических сведений бросается в глаза главный профессиональный факт: юрист! Причем заслуженный юрист России (1999 г.), награжден медалью ЮНЕСКО в честь 50-летия Всеобщей Декларации прав человека (1999 г.), медалью РПЦ св. благов. кн. Даниила Московского (1997 г.); Вице-президент фонда ИНДЕМ («Информатика для демократии») и т.д. Как видим, юрист, вниманием и почетом либерально-демократическими властями не обделенный.

...Окончил юридический факультет МГУ им. Ломоносова (1972 г.). Правда, с небольшим перерывом, связанным с отчислением с дневного отделения. Отчислили не из-за неуспеваемости. Уже тогда в душе зародился дух бунтаря-«праведника». С 1968 г. работал корреспондентом газет «Вечерняя Москва», «Социалистическая индустрия», «На боевом посту», в журнале «Лесная новь». С 1976 г. на преподавательской работе: старший преподаватель, доцент, профессор кафедры государственного права Всесоюзного заочного юридического института. В КПСС, понятно, не состоял.

В 1990 г. судьба, несмотря на кое-какие «запинки», широко распахнула карьерный рост. Был предложен пост заместителя министра печати и информации РСФСР, правой руки известного в то время министра М. Н. Полторанина. Казалось, попал в самое «яблочко». Однако до сентября упомянутого года официально не был назначен на эту должность, поскольку не справился с процедурой психологического тестирования. В 1991 г. Президентом РФ Б. Н. Ельциным был представлен Верховному Совету РСФСР кандидатом в члены Конституционного суда, но избран не был.

Однако Б. Н. Ельцину нравилась антикоммунистическая напористость молодого юриста: в 1991 г. Михаилу Александровичу шел 42-й год. С 26 мая по 30 ноября 1992 г. являлся одним из представителей президента Б. Н. Ельцина в Конституционном суде на процессе по вопросу конституционности указов президента о запрете деятельности КПСС и Компартии РСФСР. И хотя вопрос был «завален», выступал цепко, ядовито, одухотворенно.

С февраля 1992 г. генеральный директор Росийского агентства интеллектуальной собственности (РАИС) при Президенте РФ. С 7 января 1993 г. министр печати и информации РФ. И в тот же год подал исковое заявление в суд по поводу газет «Советская Россия», «День», чтобы поставить вопрос о прекращении выпуска этих изданий. 20 августа 1993 г. Михаил Александрович, зря в корень, не без оснований, заявил о своей отставке. В 1997 г. Б. Н. Ельциным был представлен Совету Федерации кандидатом на должность члена Конституционного суда РФ, но избран не был. В дальнейшем работал секретарем Союза журналистов России, председателем Большого жюри Союза журналистов Российской Федерации, в ведение которого входило **рассмотрение морально-этических проблем журналистского творчества**. Был руководителем коллектива разработчиков проекта закона «Об общественном телевидении РФ», внесенного 2 декабря 2002 г. группой депутатов на рассмотрение Госдумы. С января 2004 г. член клуба «2008: свободный выбор». Клуб возглавлял Гарри Каспаров, выступавший против тогдашнего президента РФ В. В. Путина [1, с. 707–709].

Но все же начало звездной карьеры — 12 октября 2010 г., когда был назначен советником президента Д.А. Медведева и председателем Совета при Президенте России по развитию институтов гражданского общества и правам человека. Тут же сразу появляется серьезный ОПУС: проект общенациональной государственно-общественной программы **«Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении»**. И кто бы с этим спорил! Все перевернула вверх дном вкрапленная в документ выше упомянутая идея **десталинизации**. Здесь все было всерьез и напрямую: *«Запрет на пребывание на госслужбе чиновников, которые отрицают преступления тоталитарного ре-*

жима в СССР». На вопрос о том, будет ли уголовная ответственность за восхваление советского прошлого, М. А. Федотов ответил: *«Такая постановка вопроса возможна, но в проекте этого положения нет»*. И далее: *«Нам нужно искоренить в обществе те элементы сталинского сознания, которые остались. Пока мы этого не сделаем, мы не можем дышать полной грудью»*, — заявил основной разработчик проекта, тут же пообещав *«проведение суда над тоталитаризмом»* [2]. Кредо, как видим, четкое, однозначное!

Лишь из этого небольшого набора цитат можно рискнуть, сделав вывод: **М. А. Федотов не просто юрист, а родоначальник так называемого неороссийского направления — «Политическая юриспруденция»**.

...Итак, исходя из биографической зарисовки, Михаил Александрович презентуется в СМИ прежде всего как энергичный, хваткий, жесткий юрист. Но, к слову скажем, что не всегда, в силу своей политической ориентации, выдерживал свою суровую профессионально-юридическую «стойку», нередко открыто уходя от объективности. Прокрутим несколько временных кадров назад. В 1989 г. М. А. Федотов с группой единомышленников становится соавтором фундаментального закона **«О средствах массовой информации»**. В этот же год, 27 марта, на выборах в Верховный Совет СССР балатировался Б. Н. Ельцин. Однако, известно, не прошел. И тут, как бы невзначай, подвергается доцент Омского государственного университета А. И. Казанник и «дарит» свой именной мандат Б. Н. Ельцину. В центре законодательной власти происходит на виду у всех невероятный случай в практике мирового парламентаризма — **юридический подвох**. Все «демократы», в том числе и Горбачев, в руках которого пока еще оставалась власть, молча «проглатывают» эту вопиющую ультрадемократическую «пилюлю». Молчит и Михаил Александрович, в то время научный руководитель лаборатории государственных проблем Всесоюзного юридического заочного института, только что защитивший (1989 г.) докторскую диссертацию **«Средства массовой информации как институт социалистической демократии»** [1, с. 107].

Однако 30 мая 1990 г., на заседании I съезда народных депутатов РСФСР, происходит второй юридический сбой: **после двух повторных голосований?! (Съезд продолжался почти полмесяца, с 16 мая по 12 июня)**, все-таки Председателем Верховного Совета РСФСР продавливается Б. Н. Ельцин. А это уже был его прямой путь к 12 июня 1991 г. — выбору его в президенты РСФСР. Ну а Казанник, кандидат юридических наук, доцент в одно мгновение превращается в Генерального прокурора РФ.

Казалось бы, чем не сюжет, чтобы разразиться М. А. Федотову (опять же повторим: к тому времени уже доктору юридических наук, соавтору Закона «О средствах массовой информации» (1989 г.)) праведным гневом **высококвалифицированного юриста**. Ан, нет!

Как известно кричащим преступлением явилась стрельба в августе 1991 г. из танка по Белому дому — ареопагу российской фемиды. Но и в этом случае не слышно было голоса М. А. Федотова...

А потому само собой напрашивается второе обобщение, которое убедительно дополняет выше сделанный вывод: **юридическая принципиальность Михаила Александровича носила в упомянутое время не правовой, а скорее сугубо политический характер**.

Этот же вывод можно сразу подвести и к следующему блоку нашего размышления: **Об юридической крамоле либералов-десталинизаторов**. Как мне видится, эта новация направлена не столько против Сталина, КПСС и СССР (Сталин мертв, КПСС и СССР — ушли в историю), а, как ни странно, **против ныне действующей Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.** А это уже прямой намек на изменение как кадровой, демократической, так и политической парадигмы развития страны. Сие, как видим, припахивает смутой! А потому остановимся на этом подробнее.

Вчитаемся в суть противоположностей положений Конституции РФ и идей концепции десталинизма. Начнем с главы 2-й. **Права и свободы человека и гражданина. Статьи 17–64** этого раздела полностью пронизывают коренную мысль Конституции РФ: **«Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения»** [3, с. 7].

Статья 29. п. 1. гласит **«Каждому гарантируется свобода мысли и слова»** [3, с. 9]. Пункт 2 этой же статьи уточняет: **«Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду».**

Далее пункт 3 этой же статьи: **«Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них».** Причем пятый пункт статьи гарантирует свободу массовой информации. И тут же уточняет: **«Цензура запрещается»** [3, с. 10].

При работе над **статьей 54 п. 2.** «отцы»-создатели новой Конституции страны, как будто невольно вспомнили о И. В. Сталине. Это весьма символично. **«Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон»** [3, с. 15].

Закона же о неправомерных деяниях И. В. Сталина пока, как известно, нет. Однако повсеместно идут грубые, извительные поношения: **«убийца», «ужасная фигура», «тиран, соизмеримый с Гитлером», «кровавый преступник», «портянка», «создатель преступного режима»**... А вот за это уже давно «плачет» статья. Так в чем же дело, господа именитые юристы?!

То есть сегодняшняя спор носит глубинную сущность. А потому, как следует из юридической и поли-

тологической парадигмы: **«Народ — творец истории!»**, **давайте проведем плебисцит** и, в случае поддержки идеи «десталинизации», отменим выше обозначенные мною конституционные положения, которые, кстати, явились в 90-е годы **изюминкой и гордостью либералов-демократов**. И к тому же — своеобразным лазом к сердцам той части электората, которая поддерживала Б. Н. Ельцина. Но если все же идея «десталинизации» не будет поддержана, отступим от этой провакционной идеи «десталинизации». А так не по уму и не по праву идет нескрываемый юридический мятеж против нынешней Конституции РФ. Но и, по-видимому, не только по ней! Удар нанесется по современной России!

Другой более ходовой и справедливой догадкой рождения идеи «десталинизации» является то, чтобы свалить с плеч либералов-демократов ответственность за нынешнее **патовое положение России** и отвлечь внимание **народа**. (*Вспомним возвышенный слоган об этом народе: «победил не Сталин, а народ»*.) Сегодня же этому народу **не должно знать правду** о причинах нынешнего столь крутого политического недомогания и экономического увядания России.

Но идея «обвести» народ могла бы быть реальной, если бы тот «кровавый» Сталин «не сделал» страну в свое время столь **экономически сильной, грамотной**, и в целом, не боюсь сказать, **патриотической державой**.

Библиографический список

1. Зенькович, Н. А. Самые открытые люди. Энциклопедия биографий / Н. А. Зенькович. — М. : Олма-Пресс, 2004. — 921 с.
2. Очередная «десталинизация» от Федотова // Post-soviet.org сайт. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.post-soviet.org/enemy-force/14-ocherednaya-destalinizaciya-ot-fedotova.html> (дата обращения: 29.09.2011).
3. Основной закон. Конституция Российской Федерации. — М. : Омега-Л, 2010. — 39 с.

ПОЛКАНОВ Владимир Данилович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой отечественной истории.
Адрес для переписки: e-mail: koi-omgtu@bk.ru

Статья поступила в редакцию 04.10.2011 г.
© В. Д. Полканов

Книжная полка

Кленов, Н. В. Несостоявшиеся столицы Руси: Новгород, Тверь, Смоленск, Москва / Н. В. Кленов. — М. : Вече, 2011. — 320 с. — ISBN 978-5-9533-5804-0.

История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Однако любой историк в своих исследованиях обращается к альтернативной истории, когда дает оценку описываемым персонажам или событиям, реконструирует последствия исторических решений, поступков, событий, образующих альтернативу произошедшему в реальности. Тем не менее, всерьез заниматься альтернативной историей рискуют немногие серьезные историки. И все же отечественная история предлагает богатейший материал для альтернативных исследований, ведь даже само возникновение нашего государства на бедных и холодных равнинах северо-востока Европы, да еще и с центром в ничем не примечательном городке, выглядит результатом невероятного нагромождения случайностей. Почему с XIV века центробежные тенденции на Восточно-Европейской равнине сменились вдруг тенденциями центростремительными? А если бы собирание земель возглавил богатый Новгород или гордый Смоленск? А если бы пресловутое иго было свергнуто еще в XIII веке? На эти и другие вопросы ищет ответы автор настоящей книги.

Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия,
г. Омск

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОМСКА В ГОДЫ «ПОСЛЕВОЕННОГО СТАЛИНИЗМА» (1946—МАРТ 1953 гг.). ЧАСТЬ 2

В статье рассмотрены особенности повседневной жизни Омска в первые послевоенные годы (1946—март 1953 гг.). Изучены проблемы благоустройства города, развитие транспорта, социально-бытовые условия жизни горожан, торговля, социальное обеспечение. [Часть 1 опубликована: Омский научный вестник. — 2011. — № 5(101).]

Ключевые слова: повседневность, благоустройство, социально-бытовые условия, торговля, транспорт, кинотеатры.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 10-01-67101а/Т. РГНФ и Омская область. «Повседневная жизнь Омска в годы «послевоенного сталинизма» (1946 — март 1953 гг.)».

Торговля

В первые месяцы после войны многие товары продавались по карточкам или ордерам. Затем карточки стали сосуществовать со свободной торговлей: некоторые товары появились в продаже по повышенным ценам (не всем они были по карману).

Большую роль в улучшении продовольственного снабжения омичей во второй половине 1940-х гг. играли подсобные хозяйства заводов, многие из которых создавались ещё в годы войны. Это позволило несколько улучшить снабжение рабочих овощами, картофелем, в меньшей степени — продукцией животноводства [1].

24 февраля 1946 г. в Омске открылся универмаг, в котором велась «свободная продажа» промтоваров, т.е. можно было купить вещи без специальной карточки или «ордера». В продаже были ткани, швейные изделия, трикотаж, галантерея, ружья, электроприборы, обувь, парфюмерия [2].

Торговля Омска в течение многих лет плохо удовлетворяла потребности жителей города. Несмотря на увеличение централизованных фондов, многих товаров не хватало. Помимо недостатков в организации торговли руководители города обращали внимание и на неудовлетворительную работу местной и кооперативной промышленности, которым по силам было производить многое и в городе. Удельный вес товаров этих отраслей в товарообороте составлял лишь 5 %. Железных кроватей выпускалось 17 % от плана, мебели — 25 %, хозяйственных верёвок — 39 % и т.п.

Свою лепту в дефицит вносила и обычная безалаберность. Некоторые предприятия ширпотреба закрывались, т.к. их продукцию (например, молочную продукцию, квашеную капусту и др.) торгующие организации не считали необходимым закупать. Довольно частым явлением продолжала оставаться антисанитария в продовольственных магазинах (особенно на окраинах), отсутствие сдачи, обчёты. Бы-

вало, что сдачу сдавали ... пуговицами или почтовыми марками. Об этом, в частности, писал в статье завотделом торговли облисполкома С. Потапов. Власти принимали серьёзные меры для расширения сети магазинов, чайных, закусовых и ресторанов [3].

Омские власти систематически пытались улучшить торговый ассортимент. Но если уговоры не помогали, принимались и более решительные меры. 20 февраля 1946 г. в областной газете появилась статья заместителя заведующего отделом торговли обкома ВКП(б) К. Г. Дороговой. В ней резкой критике были подвергнуты работа омских предприятий и качество производимой продукции для населения. Критиковался директор суконной фабрики им. Кирова Лисовский, чья сукно («омский шевиот») было низкого качества. Досталось и швейникам. Мужское полу пальто из «омского шевиота» с воротником из искусственного меха стоило 236 руб. и оценивалось как «очень неприглядное на вид и дорогое по цене». «Костюмы шились только военного образца — гимнастёрка и брюки галифе, дамское платье монотонных незатейливых фасонов и такой же ткани. Верхней детской одежды очень мало, а детское бельё не шьётся вовсе».

Большие недостатки были и в работе обувной промышленности. По-прежнему выпускались в основном брезентовые ботинки и кирзовые сапоги. Детской кожаной обуви не выпускали вовсе. Отдельно К. Г. Дорогова остановилась на работе пищевой промышленности. Далее следовала серия возмущённых риторических вопросов. Почему ликёроводочный завод, грубо нарушая все правила, водку выпускает в бочках? (Директор Присяжнюк не обеспечивал завод бутылками.) Почему пряники, выпускаемые в Омске, хуже московских или казанских? «Почему макароны нашей фабрики можно хранить только в замороженном состоянии, а оттаяв, они превращаются в тесто?» «Почему мясокомбинат продолжает выпускать колчённость только самых низких сортов?» «Почему хлеб выпе-

кается иногда плохого качества?» [4] Прямо скажем, картина омской торговли не очень радовала.

В том же номере газеты была помещена заметка «За выпуск недоброкачественной продукции и реализацию её населению — к уголовной ответственности». В статье был приведён достаточно большой список наказанных лиц. Был привлечён к уголовной ответственности председатель артели «Трикотаж» Еремеев, сняты с работы или получили взыскания те торговые работники, кто нарушал прейскурантные цены, принимал некачественные товары и т.п. Одновременно были наказаны другие руководящие работники, отвечающие за выпуск товаров для населения [5].

Бракованных товаров было много. В четвёртом квартале 1949 г. из предъявленных торгующим организациям товаров на сумму 25 млн 506 тыс. руб., экспертиза забраковала товаров на сумму 1 млн 177 тыс. руб., уценила — на 2 млн 195 тыс. руб. [6].

Проблема снабжения омичей мебелью обсуждалось и в газетах, и в партийных органах. В 1949 г. в Омске было выпущено 49 800 единиц мебели, в том числе 1 130 шкафов, 1 100 диванов, но в торговую сеть поступило ничтожное количество (всего 18 шкафов и диванов, 614 стульев), т.к. почти вся мебель была продана организациям. Почти не производилась корпусная мебель (шифоньеры, шкафы, комоды). Признавалось и низкое качество мебели.

В апреле 1950 г. обком партии, признав работу ряда руководителей неудовлетворительной, поставил задачу увеличить производство мебели в 1950 г. по сравнению с 1949 г. не менее чем в 1,5 раза, а в 1951 г. — в 3–4 раза. Возможности такого увеличения виделись в применении поточного метода, механизации. Основное производство должно было возрости на мебельной фабрике горместпрома, в артелях «Культпром» и «Ударник», столярном цехе Омского лесозавода. Было начато строительство мебельной фабрики [7].

Снижение цен, которое происходило в этот период ежегодно, омичи встречали с радостью. И газеты сообщали примеры реальной экономии. Домохозяйка М. Г. Ястеребова, жена токаря завода им. Ворошилова, подсчитала, что снижение цен в марте 1949 г. даст семье экономию только на хлебе 23 руб., на крупе, жирах и мясе — ещё 40 руб. Покупка ткани на пальто для дочери обошлась дешевле. Серый драп купили не по 270 руб. за метр как раньше, а по 210. На пальто нужно 2,5 метра. (Значит, покупка обошлась в 502,5 руб. Это больше половины зарплаты высокооплачиваемого рабочего). Тут же был куплен за 159 руб. и отрез на платье [8].

Начиная с 1948 г. заметно расширяется торговая сеть города. Только за первые 9 месяцев этого года было открыто 56 магазинов, 66 ларьков, 150 буфетов и закусочных, открыт ряд фирменных магазинов [9]. Но, несмотря на меры по исправлению ситуации в торговле, в указанный период омичи постоянно сталкивались с очередями и дефицитом самого необходимого. На заседании горсовета даже в 1948 г. отмечалась нехватка в магазинах соли, мяса, колбасных изделий, рыбы и ... водки [9, л. 25].

Бани и прачечные

Бани и сегодня играют заметное место в санитарии омских окраин. В послевоенном городе без сомнения проблема бань занимала куда большее значение, чем ныне. Омск мылся в банях, поскольку квартир с ваннами было очень мало. Но работа банных

предприятий вызывала большие нарекания. Во-первых, бани на окраинах работали из рук вон плохо, и омичи были вынуждены ездить в центр, что порождало очереди. Во-вторых, в банях периодически случались отключения то холодной, то горячей воды, бывали перебои в поставках топлива и т.п. Эти «перебои» нередко превращались в правило, а значит, настоящую муку для омичей. Так, в бане № 2, расположенной на Банной улице, посетители регулярно осаждали директора вопросами: когда откроется его предприятие, но директор разводил руками: нет топлива. Итог «план помывок» в 1945 г. был выполнен на 59 %, да и последующие годы проблема оставалась очень острой [10].

Справедливости ради стоит сказать, что после публикаций в газете власти принимали меры, чтобы улучшить ситуацию. Исполком горсовета потребовал от сантреста улучшения работы бань. Одновременно были выделены топливные ресурсы, а к 1 марта 1946 г. планировалось завезти 1500 оцинкованных тазов, организовать торговлю прохладительными напитками. Председатели райисполкомов должны были лично контролировать выполнение данного решения [11].

В банях были большие очереди. В одной из заметок корреспондент областной газеты Д. Григорьев рассказывал, как ему несказанно повезло. Он «купил в кассе (!) по обычной цене (!!) билет в номер с ванной (!!!)». Эти восклицательные знаки расшифровываются просто: билеты нередко покупались не в кассе, а у спекулянтов по цене завышенной. Но в ванну корреспондент в назначенное время попасть так и не смог. Придя к семи часам вечера, он узнал, что ещё не прошли очередники на 3 часа дня. Оказалось, что в бане установлено целых 4 очереди: 1) по билетам; 2) по абонеентам; 3) «по внеочередкам» и 4) «по особому заказу». В связи с большой очередью, пришлось от помывки в ванне отказаться [12].

Ситуация с банями всё же с годами несколько менялась к лучшему. Был создан трест банно-прачечного и парикмахерского хозяйства. К марту 1949 г. в городе насчитывалось 7 крупных бань и 12 парикмахерских. Имелась и прачечная (при бане № 3) [13].

В апреле 1950 г. горисполком принял решение об открытии в течение года 76 общественных прачечных. Правда, к этому времени в Омске уже имелась 31 прачечная (больше всего их было в Сталинском районе — 17), так быстро создать ещё 45 прачечных было непросто. Открывать их планировалось при крупных банях, но некоторые должны были быть построены отдельно. Одновременно планировалось увеличить их пропускную способность, путём внедрения механизации [14]. Эти меры позволили улучшить санитарную ситуацию в городе.

Кинотеатры

В городе после войны был драматический театр, театр юного зрителя, в 1947 г. открылся театр музыкальной комедии, но самым массовым видом искусства, без сомнения, было кино. Омичи приходили в кинотеатры и клубы не только посмотреть фильм, но и познакомиться с новостями в стране и за рубежом из киножурналов, которые демонстрировались перед показом фильма. В фойе кинотеатров организовывались концерты музыкантов и певцов города. На некоторые сеансы было трудно купить билеты, так как полюбившиеся фильмы горожане могли смотреть много раз [15]. Помимо советских шли фильмы заграничные: такие как «Голубой Дунай»,

«Джордж из Динки-джаза», «Серенада Солнечной долины». Значительная часть подобных кинокартин была трофейной («Тарзан», «Королевские пираты», «Остров страданий», «Знак Зорро», «Человек-невидимка» и др.) [16].

В январе 1946 г. в Омске было 5 крупных кинотеатров: «Художественный», «Гигант», «Октябрь», «Победа» и кинотеатр имени 22 декабря 1918 г. «Победа» был переоборудован из Никольского Казачьего собора. 10 февраля 1946 г. (день выборов в Верховный Совет СССР) был вновь открыт кинотеатр «Маяк» (Мясницкая ул., д. 103). Первым фильмом стала документальная картина «Победа над Японией» [17]. В том же году в бывшей церкви на Ремесленных улицах открылся кинотеатр «Экран». В 1949 г. вновь открылись кинотеатры «Темп», «Луч», как и некоторые другие закрытые в годы войны. Примерно в это же время открылся кинотеатр «Хроника» [18]. Кинофильмы показывались и во многих клубах.

С кинотеатром «Гигант» связана громкая криминальная история. Была разоблачена банда преступников, которая использовала кинотеатр для заманивания и убийства детей. 10 бандитов были осуждены к расстрелу, а остальные 6 участников банды — к 10 годам лишения свободы каждый [19]. Есть сведения, что некоторые осуждённые бандиты смогли избежать смертной казни, которая была отменена в мае 1947 г. (восстановлена в январе 1950 г.). По слухам, пятерым из шести приговорённых к смерти высшая мера была заменена на 25 лет тюрьмы. Кинотеатр позднее был открыт и существовал до 1952 г., когда его снесли после пожара.

Идеологические кампании второй половины 1940-х гг. не обошли вниманием и кино. 3 января 1947 г. в «Омской правде» появляется статья С. Алтера, в которой высказывалось требование сократить число показов «безыдейных» фильмов. Среди них автор называл «Сердца четырёх», «Близнецы», и даже такие знаменитые картины о войне, как «Небесный тихоход», «Беспокойное хозяйство». С. Алтер противопоставлял вышеназванные картины «идейным» фильмам «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 г.», «Человек с ружьём», «Великий гражданин», трилогия о Максиме, «Яков Свердлов». В этом противопоставлении было и лицемерие. Граждане уже не по одному разу посмотрели все идейные фильмы, но снова смотреть одно и то же не хотели. Поэтому ставилась задача ограничить показ «неидейных» фильмов [20].

Посещение кинотеатров омичей радовало не всегда. Бытовая культура окраин оставалась невысокой. Так, зрители кинотеатра «Октябрь» в январе 1946 г. написали письмо в газету о беспорядках в кинотеатре. «Шум, крик, курение, лушение семечек, как в фойе, так и в зрительном зале, были обычным явлением». Начальник областного управления кинофикации сообщил, что по итогам поверки директор кинотеатра была уволена, приняты меры «по изжитию недостатков» [21].

Социальное обеспечение

Отделы государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих были созданы при всех исполкомах. Семьям военнослужащих оказывалась помощь продовольствием, промтоварами. Фонд помощи пополнялся как государством, так и рядовыми гражданами. Колхозы области выделяли для семей военнослужащих 1597 голов круп-

ного рогатого скота, 966 овец, свиней, коз. Большая помощь оказывалась топливом, кормами для скота, предоставлением жилья. Было построено для этих семей 87 домов. Ко Дню Красной Армии в 1945 г. детям военнослужащих было выдано 40 тыс. подарков, на которые было израсходовано 60 тонн муки и крупы, 40 тонн масла и сахара, 40 тыс. кусков мыла. Такая помощь оказывалась и в последующие годы. Особое значение имела поддержка продовольствием и промтоварами. К юбилею Октября выдавались пайки (35 тыс. продовольственных пайков), кожаная обувь, одежда. В Куйбышевском районе г. Омска семье военнослужащего Широкова был построен новый дом, оказана помощь одеждой и обувью [22].

Областной собес немало внимание уделял оказанию помощи инвалидам, но ещё важнее было их переобучение и трудоустройство. Свыше 90 %, по данным собеса, инвалидов войны работали. В специальных школах и на курсах за год было подготовлено 520 счетоводов и бухгалтеров, 1 340 трактористов, 130 председателей колхозов и сельсоветов. В марте 1946 г. обучалось 830 инвалидов. На приобретение протезов было потрачено 2 миллиона 130 тыс. руб., продуктов питания и топлива выделено на 870 тыс. руб. Ряд инвалидов поправили своё здоровье на курортах [23].

Одной из форм помощи населению была выплата пособий многодетным матерям. Выплаты осуществлялись по закону от 27 июня 1936 г. и по закону от 8 июля 1944 г. По первому многодетные омички в 1946 г. получили 788 тыс. руб., по второму — 300 тыс. руб. (Суммы эти нельзя назвать очень большими.) Известно также, что по городу Омску было награждено ордена и медалями 650 многодетных матерей, некоторые из которых сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Для выплат в собесе имелось отделение госпособий [24].

Война заметно увеличила количество сирот и беспризорных детей. Появились и новые детские дома. Среди детских домов, организованных в области, был и детдом им. Омского комсомола. Он находился в Ульяновском районе, недалеко от города. В нём в 1946 г. воспитывалось около 250 детей-сирот. Каждый из питомцев имел 3 комплекта белья, 2 комплекта верхней одежды. Помимо пособий выдавалось дополнительное питание за счёт собственного хозяйства. В феврале 1946 г. в детдоме появились столярные, сапожная и швейная мастерские, что давало возможность воспитанникам получать профессии [25]. Органы социального обеспечения искали разные формы устройства сирот. В Омской области в марте 1949 г. на патронировании находилось 2550 детей, под опекой 388, были усыновлены 140 детей [26].

Для борьбы с детской беспризорностью 16 января 1946 г. облисполком принял решение, которое предусматривало запрещение пребывания детей в пивных, ресторанах, бильярдных, посещение ими вечерних спектаклей. Дети (до 14 лет) не допускались на рынки в качестве продавцов, на работы по чистке обуви. Запрещалась продажа им спиртных напитков. Предусматривались и штрафные санкции к тем, кто будет нарушать данное постановление [27].

Таким образом, в 1946—1953 гг. повседневная жизнь омичей сопровождалась серьёзными проблемами. Жители Омска сталкивались с нехваткой необходимых товаров и услуг, невысоким их качеством. Порой не хватало самого необходимого, даже воды, хотя строительство Большого водопровода многие вопросы сняло. Плохо работал транспорт,

не во всех районах было электричество и радио. Тем не менее город развивался и многие проблемы постепенно решались. Некоторые успехи были достигнуты в конце 1940-х гг. в озеленении города, но «городом-садом» Омск стал лишь в годы «оттепели» [28].

Библиографический список

1. Собрание партийного актива гор. Омска [Текст] // Омская правда. — 1946. — № 22. — 30 января. — С. 3.
2. Объявления [Текст] // Омская правда. — 1946. — № 39. — 22 февраля. — С. 4.
3. Потапов, С. Лучше обслуживать советского потребителя [Текст] / С. Потапов // Омская правда. — 1946. — № 27. — 6 февраля. — С. 3.
4. Дорогова, К. Выпускать для населения товары высокого качества [Текст] / К. Дорогова // Омская правда. — 1946. — № 38. — 20 февраля. — С. 3.
5. За выпуск недоброкачественной продукции и реализацию её населению — к уголовной ответственности [Текст] // Омская правда. — 1946. — № 38. — 20 февраля. — С. 3.
6. Комаровский, И. Строже контролировать качество товара [Текст] / И. Комаровский // Омская правда. — 1950. — № 70. — 8 апреля. — С. 2.
7. Назимов, А. Населению области — прочную, красивую мебель [Текст] / А. Назимов // Омская правда. — 1950. — № 72. — 11 апреля. — С. 3.
8. Гончарова, Т. Вчера в магазинах Омска [Текст] / Т. Гончарова // Омская правда. — 1949. — № 42. — 2 марта. — С. 1.
9. ИсАОО. Ф.Р-235. Оп. 2. Д. 418. Л. 23.
10. Сергеев, З. Почему плохо работают бани Омска. Сантрест мало проявляет заботы о быте трудящихся [Текст] / З. Сергеев // Омская правда. — 1946. — № 11. — 15 января. — С. 3.
11. Почему плохо работают бани Омска. По следам наших выступлений [Текст] // Омская правда. — 1946. — № 38. — 20 февраля. — С. 2.
12. Григорьев, Д. Однажды в бане [Текст] / Д. Григорьев // Омская правда. — 1946. — № 74. — 12 апреля. — С. 3.
13. Объявления [Текст] // Омская правда. — 1949. — № 77. — 20 апреля. — С. 4.
14. К услугам горожан откроются новые прачечные [Текст] // Омская правда. — 1950. — № 83. — 25 апреля. — С. 3.
15. Андреевский, Г. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930 — 1940-е годы. [Текст] / Г. Андреевский. — М., 2008. [Электронный ресурс]. — URL: <http://litres.ru> (дата обращения: 19.09.2010).
16. Кара-Мурза, С. Г. Жизнь в СССР [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. — М., 2009. — С. 60.
17. Зрелищные предприятия 9 и 10 февраля [Текст] // Омская правда. — 1946. — № 28. — 8 февраля. — С. 4.
18. ИсАОО. Ф.Р-241. Оп. 1. Д. 350. Л. 3—48.
19. Бобков, И. В областном суде [Текст] / И. Бобков // Омская правда. — 1947. — № 23. — 15 марта. — С. 4.
20. Альтер, С. Устранить недостатки в кинообслуживании трудящихся [Текст] / С. Альтер // Омская правда. — 1947. — № 1. — 3 января. — С. 3.
21. По следам неопубликованных писем [Текст] // Омская правда. — 1946. — № 25. — 3 февраля. — С. 3.
22. Михайлов, Г. Всенародная помощь семьям военнослужащих [Текст] / Г. Михайлов // Омская правда. — 1946. — № 40. — 23 февраля. — С. 3.
23. Фёдоров, К. Трудоустройство инвалидов Отечественной войны [Текст] / К. Фёдоров // Омская правда. — 1946. — № 45. — 2 марта. — С. 3.
24. Гордина, А. Забота о матери [Текст] / А. Гордина // Омская правда. — 1946. — № 49. — 8 марта. — С. 4.
25. Молов, И. В детдоме им. Омского комсомола [Текст] / И. Молов // Омская правда. — 1946. — № 37. — 19 февраля. — С. 2.
26. Самохин, А. Борьба с детской беспризорностью — благородное дело общественности [Текст] / А. Самохин // Омская правда. — 1949. — № 63. — 1 апреля. — С. 3.
27. О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью [Текст] // Омская правда. — 1946. — № 16. — 20 января. — С. 4.
28. Сизов, С. Г. Омск в годы «оттепели»: Жизнь города в контексте эпохи (Март 1953 — 1964 гг.). [Текст] / С. Г. Сизов. — Омск, 2003. — 172 с.

СИЗОВ Сергей Григорьевич, доктор исторических наук, доцент (Россия), заведующий кафедрой отечественной истории и политологии.
Адрес для переписки: e-mail: sizov-omsk@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.12.2010 г.
© С. Г. Сизов

Книжная полка

Осовин, И. А. Секретная цивилизация Луны / И. А. Осовин, С. А. Почечуев. — М. : Эксмо Яуза, 2011. — 448 с. — ISBN 978-5-699-50940-9.

Почему в начале 1970-х годов США и СССР одновременно свернули программы по исследованию Луны? Что заставило отказаться от планов ее колонизации в тот момент, когда колоссальные затраты на освоение космоса наконец стали приносить первые плоды? Зачем американских астронавтов по возвращении на Землю подвергали сеансам мощного гипноза? Правда ли, что убийство президента Кеннеди напрямую связано с «лунной гонкой»? Что можно разглядеть на секретных фотоснимках обратной стороны Луны? Зачем само НАСА распускает слухи о том, что американцы никогда не высаживались на лунную поверхность? Какую роль лунный культ играл в секретных доктринах Третьего Рейха, а гитлеровские инженеры и конструкторы — в американской космической программе? И о какой угрозе предупреждал незадолго до смерти Вернер фон Браун? Эта сенсационная книга отвечает на самые острые и опасные вопросы новейшей истории. Это расследование доказывает существование «лунного заговора», направленного на сокрытие информации о загадочной цивилизации Луны и устранение тех, кто подобрался к разгадке главной тайны XX века слишком близко.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ РУБЕЖА XX—XXI вв. ОБ ЭПОХЕ «ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ»

В статье рассмотрены взгляды отечественных историков рубежа XX—XXI вв. — Анисимова Е. В., Каменского А. Б., Курукина И. В. — как научного, так и популярного характера на основные проблемы развития Российской империи XVIII в.

Ключевые слова: историк, историография, политика, эпоха «дворцовых переворотов».

Для российских историков переходного в отечественной науке времени конца XX — начала XXI вв. актуальным стало изучение истории России в XVIII в. И данный факт вполне объясним: как и период российской истории, называемый «постперестроечным», так и эпоха «дворцовых переворотов» явились переломными для нашего государства и не менее важными в сравнении с «перестройкой» и реформами Петра I. Среди таковых историков можно выделить следующие имена: Анисимов Евгений Викторович, Каменский Александр Борисович, Курукин Игорь Владимирович. Остановимся на творчестве каждого.

Анисимов Е. В. — отечественный историк из Санкт-Петербурга. В 1970 г. он окончил исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, а через пять лет защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Внутренняя политика Верховного Тайного Совета, 1726—1730». В 1985 году защитил докторскую диссертацию на тему: «Податная реформа Петра I: введение подушной подати в России, 1718—1728 гг.».

С 1970 г. Евгений Викторович работает в качестве главного научного сотрудника в Ленинградском отделении института истории СССР (ЛОИИ АН СССР, ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН), являясь специалистом по политической истории России XVII—XVIII века.

С 1995 г. Анисимов Е. В. стал профессором кафедры истории России Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, а с 1996 года преподает в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Также с 1989 по 2002 гг. Евгений Викторович преподавал как приглашенный профессор в университетах США, Великобритании, Италии, Германии.

Взгляды Е. В. Анисимова на эпоху «дворцовых переворотов» как ученого-историка наибольшее отражение нашли в таких трудах, как «Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра» и «Россия без Петра». Евгений Викторович считает, что период, последовавший в российской истории за смертью Петра I, имел не менее важное значение для судеб России, нежели сами реформы первой четверти XVIII в. «Послепетровский период, — пишет Е. В. Анисимов, — не был «безвременьем», калейдоскопом событий придворной жизни... Именно в

эти годы петровские преобразования показали свою жизнеспособность, прошли испытание временем...» [1, с. 5].

Основная проблема монографии «Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра» вынесена в ее заглавие — это судьба наследия великого преобразователя России при его бесталанных преемниках, особенно при Елизавете Петровне. Вопрос действительно важнейший для русской истории XVIII в., поставленный уже современниками и не раз дискутировавшийся потом историками. Во введении заявлено о том, что историк не ставит в полном объеме задачи изучения политической истории эпохи, ограничиваясь более скромной целью — «взглянуть на период правления Елизаветы с точки зрения накопленных современной наукой знаний, с учетом бесценного труда поколений историков» [1, с. 5]. Е. В. Анисимов считает, что в то время, когда «формировалась идеологическая доктрина елизаветинского царствования», настойчиво насаждались два представления: преемственность правления Петра I и Елизаветы, а также «крайне негативная оценка» периода 1727—1741 гг. [1, с. 45—47]. Традиционное в историографии «крайне негативное» отношение к правлению Анны Иоанновны не раз дает о себе знать в данной работе. В целом, период российской истории, называемый эпохой «дворцовых переворотов», показан историком как постреформаторский, когда страна испытывала на прочность систему, созданную Петром I.

Также Е. В. Анисимов известен и как прекрасный популяризатор исторических знаний. В частности, им были написаны многочисленные работы, носящие научно-популярный характер. Среди них можно назвать такие как «Елизавета Петровна» [2], «Анна Иоанновна» [3], «Иван VI Антонович» [4], опубликованные в серии ЖЗЛ, «Русская пытка: политический сыск в России XVIII века» [5], «Женщины на российском престоле» [6] и др. В частности, в работах, касающихся личностей российских императриц, историк утверждает несостоятельность последних как государынь, что было обусловлено не их принадлежностью к женской половине человечества, а личной, персональной неспособностью быть государственными деятелями [7]. В работе же «Русская пытка» Евгений Викторович популярно рассказывает о том, как в России XVIII века расправлялись с политическими преступниками, подробно рассматри-

вает всю «технологию» политического сыска от доноса и ареста до казни или ссылки человека, на которого обрушился государев гнев. В книге раскрыта вся подноготная о работе органов тайного сыска: какие приемы применяли следователи при допросах, какими пытками добивались признания вины, какие выносили приговоры. Автор повествует не только о громких политических делах и знаменитых преступниках, но и о тех, чьи судьбы оставили след только в делах тайного сыска. Конечно же, такая книга интересна широкому кругу читателей и по праву может называться научно-популярной.

Евгений Викторович принимает активное участие и в просветительской деятельности на телевидении. Историк выступил в качестве автора и ведущего программ по истории «Дворцовые тайны» (50 передач, 2000 – 2003 гг.) и «Кабинет истории» (с 2005 г.) на телеканале «Культура». В рамках телевидения историк пропагандирует важность знания отечественной истории для россиян как в политическом, так и в культурном плане.

Другой не менее известный историк, занимающийся историей России XVIII в., — Каменский Александр Борисович — окончил Московский областной педагогический институт и стал доктором исторических наук в 1999 г. Его трудовой путь начался с Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА, ныне РГАДА) в архивохранилище фондов местных учреждений, где Александр Борисович проработал с 1978-го по 1985 г. В 2006 на основе документов по истории города Бежецка им была написана книга «Повседневность русских городских обывателей» [8].

С 1988 г. Каменский А. Б. преподает в Российском государственном гуманитарном университете (Московский государственный историко-архивный институт), где он сначала был доцентом кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, а затем заведующим кафедрой отечественной истории древнего мира и средних веков факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ. Также историк Александр Борисович является членом Российского общества по изучению XVIII века, Научного совета РГАДА, Международной группы по изучению России XVIII века (Study Group on Eighteenth Century Russia).

Научный взгляд историка на проблему развития России в XVIII в. нашел свое отражение, прежде всего, в труде под названием «От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа)» [9]. В работе А. Б. Каменский стремится определить характер социального развития России в XVIII веке и ставит под вопрос расхожее представление о том, что российская история складывается из чередования кратковременной реформистской активности и длительных периодов контрреформ, застоя.

В книге представлен принципиально новый взгляд на историю переломного для России XVIII столетия. В центре внимания автора — модернизация русского общества и государства, впервые рассматриваемая как единый целостный процесс; делается попытка ответить на вопросы: что такое реформа? возможно ли для России поступательное политическое развитие? Остановимся на характеристике тех глав монографии, которые касаются, прежде всего, так называемого периода послепетровских реформ.

Следует отметить, что историк, в целом, характеризует реформы Петра I как своевременные и необходимые. Он пишет следующее: «Реформа Петра

Великого была осуществлена как нельзя вовремя, ибо отказ от нее мог обернуться для России самыми катастрофическими последствиями, что, однако, не означает, будто содержание реформы и методы ее осуществления могли быть только такими, какими они и были в реальности» [9, с. 90 – 91]. Однако «в первые пять лет после смерти Петра процесс преобразований в стране не остановился и не был повернут вспять, хотя темпы его, конечно, резко замедлились» [9, с. 212 – 213]. Главной целью в деятельности правительств Екатерины I и Петра II был поиск средств для поддержания государства.

С приходом Анны Ивановны на престол в 1730 г., А. Б. Каменский считает, что ситуация стала более определенной и предсказуемой, что позволяло решиться и на более радикальные меры: создается Кабинет министров «для придания всему процессу управления большей оперативности», «императрице требовалось облегчить саму процедуру принятия решений» [9, с. 240].

Со смертью Анны в октябре 1740 г. в России наступает короткий, длиной в год, период безвременья, начавшийся регентством Бирона и продолженный правлением Анны Леопольдовны. Никаких радикальных изменений во внутренней политике в этот период не произошло.

Ноябрьский переворот 1741 г. возвел на российский престол дочь Петра I, Елизавету. Характер проблем, унаследованных новой властью от своих предшественников, остался прежним, стало очевидным, что дело «не в искажении преемниками Петра его наследия, а, напротив, в недостатках созданной им системы. По существу, так завершается этап в истории России XVIII в., который условно можно назвать послепетровским и основное значение которого связано с адаптацией осуществленных Петром нововведений к реальной жизни» [9, с. 291].

Восшествие же на престол императора Петра III впервые за несколько десятилетий произошло «автоматически» и не сопровождалось никакими общественными потрясениями. Таким видится послепетровский период российской истории ученому.

Однако, помимо широкой научной деятельности, А. Б. Каменский ведет также и активную пропагандистскую деятельность среди широких масс о необходимости и важности изучения российской истории. В частности, в своем интервью на одной из российских радиостанций историк высказал мнение о том, что курс истории России в XVIII веке — обширен и многогранен. Однако изучение данного периода российской истории можно уложить как в две лекции, так и в два семестра (и в курсе не будет ничего лишнего): все зависит от аудитории. Также Александр Борисович выступил и в роли научного консультанта телефильма Леонида Парфёнова «Российская империя». Данные факты, безусловно, свидетельствуют о популяризации собственных взглядов Александром Борисовичем на проблему развития России в XVIII в., в том числе и через СМИ.

Последний из выше названных историков — Курукин Игорь Владимирович — профессор кафедры отечественной истории древнего мира и средних веков факультета архивного дела ИАИ РГГУ, член Российского общества по изучению XVIII в., Международной группы по изучению России XVIII в. (Study Group on Eighteenth Century Russia), Совета Международной ассоциации гуманитариев.

Историк предлагает принципиально новый взгляд на эпоху «дворцовых переворотов», который позволяет увидеть данный период российской истории

«...в качестве особого этапа развития отечественной модели самодержавной монархии, имевшего свои причины и характерные особенности» [10, с. 8].

И. В. Курукин на страницах своего диссертационного исследования под названием «Эпоха дворцовых переворотов» 1725–1762 гг. в контексте политической истории России» доказывает, что «дворцовые перевороты в послепетровской России становятся средством разрешения конфликтов в правящем кругу при отсутствии легальных форм политического воздействия на власть, максимально сконцентрировавшуюся на уровне дворца в результате процесса укрепления самодержавия в XVII — первой четверти XVIII вв. Резкая смена культурных ценностей в ходе петровских реформ, отказ от существовавшей традиции не могли не повлиять на нормы политической этики при недостатке публично-правовых начал в политической сфере в условиях появления гвардии — своеобразной корпорации, участвовавшей в системе управления и имевшей возможность оказать давление на верховную власть» [10, с. 20].

Историк считает, что «дворцовые перевороты 1725–1762 гг. не представляли собой однотипных явлений, а развивались в рамках определенной идейно-политической эволюции. Относительно «легальные» политические конфликты 1725 и 1730 гг. с выдвижением политических требований и даже проектов нового государственного устройства завершились двумя государственными переворотами в 1730 г., после чего их формой стал менее (как в 1740–1741 гг.) или более (как в 1762 г.) конспиративный заговор с участием гвардейцев, когда менялась только фигура монарха. Выявленные различия свидетельствуют о разных тенденциях развития политической борьбы. Одна являлась поиском нового, по сравнению с петровской системой, политического механизма через элементы публичности и выборности; другая, наоборот, консервировала сложившуюся систему и, устраняя правящую фигуру, не меняла ничего в самой «форме правления» [10, с. 20].

Подобный взгляд на эпоху «дворцовых переворотов» можно считать прорывом для современной исторической науки.

Подводя итоги, следует отметить, что на рубеже XX–XXI вв. для отечественной исторической науки

стала актуальной проблема изучения истории Российской империи в XVIII веке. В научных работах названных исследователей XVIII век показан сложным постреформаторским периодом для России, в популярных же трудах названные историки свое внимание обращают в основном на XVIII век как на женский, как на век, когда правили случайные люди в истории России.

Библиографический список

1. Анисимов, Е. В. Россия в середине XVIII в. : Борьба за наследие Петра / Е. В. Анисимов. — М. : Мысль, 1986. — 239 с.
2. Анисимов, Е. В. Елизавета Петровна / Е. В. Анисимов. — М. : Молодая гвардия, 1999. — 426 с.
3. Анисимов, Е. В. Анна Иоанновна / Е. В. Анисимов. — М. : Молодая гвардия, 2004. — 362 с.
4. Анисимов, Е. В. Иван VI Антонович / Е. В. Анисимов. — М. : Молодая гвардия, 2008. — 368 с.
5. Анисимов, Е. В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII в. / Е. В. Анисимов. — СПб. : Норинт, 2004. — 464 с.
6. Анисимов, Е. В. Женщины на российском престоле / Е. В. Анисимов. — М. : Питер, 2005. — 480 с.
7. Анисимов, Е. В. «У нас — де ныне баба царствует...» (Женщины у власти в XVIII веке как проблема) / Е. В. Анисимов // Родина. — 2009. — № 2. — С. 7 — 10.
8. Каменский, А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века / А. Б. Каменский. — М. : РГГУ, 2006. — 408 с.
9. Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I : Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) / А. Б. Каменский. — М. : РГГУ, 1999. — 575 с.
10. Курукин, И. В. «Эпоха дворцовых переворотов» 1725–1762 гг. в контексте политической истории России : дис. ... д-ра истор. наук : 07.00.02. — М., 2004. — 330 с. + Прил. (с. 331-681: ил.)

БЕЛОВА Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социально-гуманитарных и экономических наук.
Адрес для переписки: e-mail: belova.t.a@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.01.2011 г.

© Т. А. Белова

Книжная полка

Великолепие исчезнувших цивилизаций : пер. с англ. — М. : БММ, 2011. — 352 с. — ISBN 978-5-88353-422-4.

Эта замечательно иллюстрированная книга предлагает современное всестороннее описание наиболее впечатляющих памятников древних мировых культур. Исключительная коллекция фотографий, карты и планы представляют основные центры развития самых важных цивилизаций прошлого. Живо написанные очерки специалистов в разных областях истории воссоздают первоначальный вид этих мест и образ жизни их обитателей. Вы познакомитесь с древнейшими достопримечательностями Египта, Рима, Греции, Китая, памятниками и архитектурными сооружениями древних культур Ближнего и Среднего Востока, Африки и Центральной Америки.

Нефедов, С. А. История России. Факторный анализ. Т.2: От окончания смуты до Февральской революции / С. А. Нефедов. — М. : ИД Территория будущего, 2011. — 688 с. — ISBN 978-5-91129-064-1.

Исследование выполнено в рамках междисциплинарной программы УрО РАН «Историческая динамика России: факторы, модели, прогнозы» и проекта «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

ОБРЯД «ШЕСТВИЯ НА ОСЛЯТИ» В КОНТЕКСТЕ ЦЕРКОВНО- ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Церемонии играли значительную роль в репрезентации верховной власти. Призванные, по большей части, демонстрировать гармонию между светской и церковной властями, церемонии превращались в своеобразный «театр власти», в представлениях которого находили свое выражение основополагающие политические идеи, образы и стереотипы. В контексте церемонии «шествия на ослиати» в Вербное воскресенье во второй половине XVII в. соотношение царя и патриарха менялось в зависимости от конкретной политической ситуации. Пока Никон возглавлял Церковь, акценты смещались в пользу патриарха, после его ухода — в сторону Алексея Михайловича.

Ключевые слова: царь Алексей Михайлович, патриарх Никон, обряд «шествия на ослиати», «священство» и «царство», митрополит Питирим Крутицкий.

Анализ взаимоотношений светской и церковной властей второй половины XVII в. позволяет представить данную проблему в нескольких аспектах. Одним из таких направлений, безусловно, является рассмотрение проблемы «священства» и «царства» через призму обряда «шествия на ослиати», совершаемого в Вербное воскресенье и символизировавшего вход Господень в Иерусалим¹.

Удалясь в Воскресенский монастырь (1658 г.), патриарх Никон никого не оставил на своем месте. Наместником патриаршего престола Алексей Михайлович «без собора и неизбраением» поставил митрополита Крутицкого Питирима (с 1656 г.). Крутицкий митрополит по своему положению выполнял роль «правой руки» патриарха и считался местоблюстителем патриаршей кафедры во время отсутствия главы Церкви в Москве или его внезапной смерти. Уроженец Суздаля, Питирим был настоятелем Спасо-Евфимиевой обители. Затем, в 1654 г., он был переведен в столицу, став архимандритом Новоспасского монастыря. В дальнейшем, в августе 1664 г., Питирима перевели в Новгородскую митрополию. Он принимал участие в церковном Соборе 1666–1667 гг., низложившем патриарха Никона, а 7 июля 1672 г. Питирима рукоположили в сан патриарха Московского. Однако период его патриаршества был недолог. В апреле 1673 г. Питирим скончался [1, стб. 36–37, 1036].

Питирим подвергся нападкам со стороны Никона, после того как в Вербное воскресенье 1659 г. совершил обряд «шествия на ослиати». В том, что «государь царь под крутицким митрополитом лошадь водит», Никон усмотрел нарушение церковных правил, поскольку традиционно этот обряд мог совершать только патриарх. Никон подал Алексею Михайловичу письмо, в котором сокрушался: «...яко уж некто дерзну седалища великаго архиерея всея Руси олюбодействовати незаконно и неправомерно и святых недели Вайи деяние действовати, и не вем истинно, аще с волею твоего благородия ее сотворися...». «...и не подобает господне рабу творити ... аще раб царская начнет творити, не точию чести

достойн, но вместо живота смерти достойн той...» [2, с. 3–5]. Никон наложил на Питирима проклятие.

Согласно библейской традиции, Иисус Христос, приближаясь к Иерусалиму, пришел в Виффагию к горе Елеонской. Он послал вперед двух учеников, сказав им, чтобы они шли в селение и привели ослицу и молодого осла. Ученики исполнили просьбу Иисуса. На осла положили одежды, на которые воссел Христос. Встречавший его народ постигал на дороге свои одежды и устилал его путь ветвями деревьев [3].

Как показал Б. А. Успенский, обряд «шествия на ослиати» в Вербное воскресенье пришел в Москву из Новгорода. Самое раннее свидетельство об этом обряде, совершаемом в Вербное воскресенье в Москве, относится 1558 г., когда во главе Русской Церкви стоял митрополит Макарий. При патриархе Никоне традиционный порядок «шествия на ослиати» был изменен. Если до середины XVII в. шествие совершалось из кафедрального Успенского собора в Покровский собор, где находился придел Входа Господня в Иерусалим, и затем обратно в Успенский собор, то с 1656 г. «шествие» стало начинаться у Лобного места и затем направлялось в Успенский собор. По предположению Б. А. Успенского никонские нововведения были вызваны стремлением приблизить русские обряды к греческим, при этом здесь речь идет об уподоблении обрядам не константинопольской, но иерусалимской церкви. Кроме того, здесь может актуализироваться ассоциация Кремля с Иерусалимом [4, с. 440–448; 5, с. 169, 173–175].

«Вход Господень в Иерусалим» отмечался с особой пышностью. Процессия двигалась через Спаские ворота к Покровскому собору, где царь и патриарх удалялись в придел Входа в Иерусалим. Здесь государь облачался в царский наряд и менял посох на златокованный жезл. В это время на Лобном месте ставили аналой, покрытый зеленою пеленою. На него водружали Евангелие, иконы Иоанна Предтечи, Николая Чудотворца, иногда Казанской Богородицы. У Лобного места ставили «осля» (лошадь под белым сукном). Тут же находилась кадушка с вербою².

Верба богато украшалась «винными ягодами», изюмом, грецкими орехами, финиками, яблоками. По ходу шествия выстраивались ратные люди, которые должны были склоняться перед патриархом и государем.

Выход патриарха из Покровского собора к Лобному месту отличался большим великолепием. Далее государь поднимался на помост, крестился, целовал Евангелие и «смирлял» себя, т.е. снимал корону и отдавал скипетр. После благословения из рук главы Церкви царь получал «иерусалимскую ветвь (вайю)».

С Лобного места патриарх спускался вниз и садился боком на лошадь, держа в правой руке крест, в левой — Евангелие. Движение от Лобного места приобретало характер шествия с Елеонской горы. Его открывали младшие придворные, наряженные в богатые золотые кафтаны. За ними везли украшенную вербу.

Следом с иконами, горящими кадилами, рапидами шло духовенство и придворные. Затем появлялись высшие чины, которые несли государевы жезл, вербу, свечу и полотенце. Поддерживаемый двумя придворными, царь вел «осля» за конец повода. Патриарх сидел на «осляти», осеняя народ крестом. По всему пути процессии дети расстилали перед государем и патриархом сукна разных цветов, на которые еще кидали кафтаны и однорядки. Чтобы сукна не сбились, подростки лежа придерживали их. Участие в церемонии детей — точное следование апостольскому тексту, в котором дети с неискушенным и несвоекорыстным сердцем приветствуют Мессию. Количество участвующих подростков постоянно возрастало.

Царь и патриарх входили в Кремль через Спаские ворота. Последние символизировали Золотые ворота, ведущие в Град Спасителя — Небесный Град. Миновав Спаские ворота, процессия входила в Кремль. В Успенском соборе патриарх благословлял царя и целовал его в десницу и лоб. Царь, в свою очередь, целовал патриарха в плечо, демонстрируя, таким образом, публичное преклонение светской власти перед властью церковной, пускай символично и вознесенной до образа Христа [6, с. 262 — 268].

С особым великолепием вербу стали украшать при царе Алексее Михайловиче, в первый раз во время пребывания в Москве вселенских патриархов, Паисия Александрийского и Макария Антиохийского, именно с 1668 г. С этого времени во всех тогдашних церковных и царских обрядах вообще замечается необыкновенное великолепие и пышность [7, с. 429].

«Шествие на осляти» в Вербное воскресенье переживалось как таинство. Когда в Вербное воскресенье 1659 г. на «осляти» ездил митрополит Питирим, будучи местоблюстителем патриаршего престола, Никон воспринял это как «духовное прелюбодеяние» и посягательство на патриаршую харизму. Повторное совершение Питиримом этого обряда в 1660 и 1661 гг. послужило одной из причин того, что в 1662 г. Никон предал его анафеме. По мнению Б. А. Успенского, в данном случае произошло определенное переосмысление обряда. Акцент стал делаться теперь не на участии патриарха, а на участии царя; между тем ранее главным действующим лицом в Москве был именно патриарх [4, с. 440 — 448].

Алексей Михайлович еще в феврале 1659 г. послал в Воскресенский монастырь к Никону думного дворянина Прокофия Елизарова с ответом на жалобу Никона, в котором объяснял правомерность отправления обряда в отсутствии патриарха тем, что крутицкие митрополиты подобны наместникам патри-

арха [4, с. 13]. Затем Алексей Михайлович обратился к архиереям с вопросом о правомерности наложенного на крутицкого митрополита проклятия. Все опрошенные епископы осудили Никона, приняв угодное царю решение.

По мнению ряда исследователей, конфликт Алексея Михайловича и патриарха Никона — это противостояние носителей различных взглядов относительно государственного строительства. Столкновение двух моделей государства. С одной стороны — это абсолютистская модель государственной власти, базировавшаяся на божественном ее происхождении и мессианском предназначении. С другой стороны — теократическая модель, где церковная и государственная власть представлена в одном лице, но церковь превыше государства. Разное понимание существования царской власти и земных прерогатив Церкви [8, с. 12 — 14; 9, с. 219].

Попробуем взглянуть на данную проблему с позиции Никона.

В марте 1659 г. Никон обращается с письмом к Алексею Михайловичу, в котором говорит, что «некто дерзну седалище великого архиерея всея России олюбодействовати незаконно и непреподобно и святых недели Вайи деяние действовати», т.е. Никон здесь указывал царю на то обстоятельство, что будто бы старинное у нас действо хождения на осляти в неделю Вайи, совершенное тогда крутицким митрополитом Питиримом, было незаконно, так как это действо, знаменующее торжественный вход Христа на осляти в Иерусалим, может совершать только один патриарх, а не простой архиерей, и потому государь поступил неправо, дозволив совершить это действо крутицкому митрополиту [10, с. 410]. «Крутицкой митрополит де в митрополитах меньший: первый архиерей во образ Христов, а митрополиты и архиереи епископы о образ учеников и апостол, и рабу на господне седалище дерзати не достоин...» [2, с. 13].

Впоследствии Никон писал, что царь «крутицкому митрополиту отдал матерь свою, соборную великую церковь в прелюбодейство, которая ево помазала елеом радости на царство». Обвинение в прелюбодействе было связано с представлением, что патриарх, рукополагаясь в сан, вступал с церковью в брак. Никон считал, что «без первого архиерея действовати о Ваии митрополитом не достоин; а Крутицкой де митрополит в митрополитах меньший». В своей отписке патриарх укорял царя: «И дивлюсь твоему благородию, како тако попусти священное седалище без совета священаго собора обезчестити? <...> Аще ли с волею твоею, великого государя, бысть сие, Бог тя простит...». Патриарх, с точки зрения Никона, живой образ самого Христа, помазанник Божий, по своему общественному значению и достоинству не только не уступает царю, но в некотором отношении даже и превосходит его [11, с. 130].

Своим протестом против совершения митрополитом процессии в Вербное воскресенье Никон показал, что права местоблюстителя патриаршего престола не распространяются на литургические права патриарха, а только на административные. Никон писал, что когда он сам совершал церемонию в Неделю Вайи, то ему — патриарху — было страшно изображать лицо Христа, а теперь совершал простой митрополит одной из последних по рангу епархий, без согласия патриарха. Рано протестовал Никон, когда узнал, что митрополит Питирим во время богослужения становится на патриаршее место [12, с. 212 — 213].

В 24-м ответе своего «Возражения» на вопросы С. Стрешнева, Никон писал, что «патриарх есть образ жив Христов и одушевлен, делесы и словесы в себе живописуя истину». «Ныне мнози Антихристи есть, Крутицкий митрополит и прочие подобнии ему». «Он (царь) Церквию обладает, священными вещами богатится и питается, славится тем, что все причетники покоряются ему, оброки дают, работают, воюют; судом и пошлинами владеет. А мы такой привилегии не только не принимаем, но гнушаемся ею, бегаем от нее, как от антихристовых узаконения...» [13, с. 184].

В своем письме к Цареградскому патриарху Дионисию (1666 г.), Никон сообщал, что он приказал «правити на время Крутицкому митрополиту Питириму». Но по «отшествию нашем, царское величество всяких чинов людям ходити к нам и слушати нас не повеле и потребная от патриаршества давати нам не приказа, токмо указал, кто к нам будет без его царского величества указу, и тех людей да истяжут крепко и да сошлют в заключения, в дальния места и сего ради весь народ устращися. И приказа царское величество «весь патриарший дом и все патриаршеские дела ведать и управлять Крутицкому митрополиту, а нас вопрошати не повеле, токмо вопрошати о всяких архиерейских и духовных делех самого себе» [14, с. 517].

Никон считал, что каждый праздник Господень — плод восхождения от земного к небесному. Эти праздники показывают тайны и представляют первое пришествие во плоти нашего Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, тот есть как Он похоронен, воскрес из мертвых на третий день и как Он вознесся на небо. Каждый праздники Господень есть взращение духовной радости, средство достижения для души ясности и красоты; для духовного украшения и возвеличения Церкви, для неба и земли он есть плод восхождения, переход от низших вещей к высоким и Божественным, восхождение от вещей мирских к вещам надмирным и от вещей телесных к вещам духовным, от вещей чувственных к вещам интеллектуальным, от земных к небесным [15, с. 101].

Различие между царской и иерейской властью Никон видел в том, что престол царский чистен, украшен камнями, обложен золотом, но царю дано устроить только то, что на земле, большей он власти не имеет. А престол священства на небеси: что связывает священник на земле, то связывается на небеси. Он стоит между Богом и людьми и от Бога низводит нам милости, а от нас возносит к Бону молитвы и примиряет нас с Богом. Поэтому и цари помазуются священнической, а не священники царскою и благословляют самую главу царскую, но меньший от большего благословляется... Глава Церкви — Христос, а царь не есть и не может быть главою Церкви, но только один из ее членов, поэтому не может действовать в Церкви... Священство гораздо больше царства. Живительно, как человеколюбие Божие терпит то, что ныне не только сам царь приял на себя сан святительства, но и все находящиеся в его власти то же творят [13, с. 173].

Следуя размышлениям Никона, «священство» выше «царства» в силу превосходства его задач и правомочий, при сравнении двух величин. Царству поручено земное — низшее, священству небесное — высшее. ... Из самого библейского происхождения царства и священства Никон выводит также их неравенство. «Священство не от человек, ни человеком, но от самого Бога, и древнее и нынешнее, а не от царей» [16, с. 196–200].

Однако московские власти имели по этому поводу свое мнение. Посланный к Никону думный дворянин Прокофий Елизаров говорил патриарху, что действие было учинено по указу царя и что в прежние годы, еще до учреждения патриаршества, «о Ваий действовали митрополиты», а в межпатриаршество крутицкие митрополиты. Кроме того, Елизаров говорил, что Никон сам, будучи новгородским митрополитом, исполнял этот обряд, так же как и казанский митрополит. На это патриарх отвечал, что «как де он был в Великом Новгороде в митрополитех, действовал де он о Ваий тож неведением, и во время архиерейства своего во многих суетах того исправить не улучил». Это свидетельство источников совершенно ясно показывает, что представления Никона опирались не на традицию [17, с. 205–207].

И. Л. Андреев отмечал, что торжественные шествия с участием государя оттачивали образ идеального правителя, демонстрируя то кротость и смирение монарха, то его силу и власть. Церемонии становились зримым напоминанием о предназначении государя — быть посредником между Богом и подданными, защитником православной веры, гарантом справедливости и порядка. Шествующий государь — это идеальный христианин, которому присущи благочестие и совершенство, способствующие сакрализации монарха [6, с. 255].

По предположению В. Саввы, смирение царя, проявляемое им в обряде Ваий, было примером смирения и для подданных его, но это смирение перед властью духовною, которое могло только лишь способствовать усилению авторитета этой власти, а отнюдь не светской, перед нею смирявшейся [5, с. 172].

Следует согласиться с И. Л. Андреевым, что для Алексея Михайловича: торжественный вход Царя Небесного в Новый Иерусалим соотносился с преобразованием рода Романовых в богоизбранную царскую династию. Это было тем более актуальным, что во второй половине столетия идея богоизбранности все более теснит родовое начало. Церемония «работала» и на царскую власть. Несмотря на то, что московские государи демонстративно уступали первенство патриарху, во время шествия подчеркивалась богоизбранная близость монарха. Царь, ведущий под узды «осля», воспринимался как причастный к Христу. Таким образом, формировался образ вселенского православного монарха, весьма привлекательного для Алексея Михайловича [6, с. 265].

Спустя два года после кончины Алексея Михайловича, церковный Собор 1678 г. вынес исключительное право совершать «шествие на осли» патриарху [18, с. 308–309]. Между тем данное действие до этого времени могло совершаться на местах, где «на осли» ехал местный архиерей, а вел коня гражданский начальник. Это мотивировалось тем, что обычай «хождения на осли» в епархиях возник недавно и при этом умалял царское достоинство.

Б. А. Успенский обращал внимание на то, что если Никон протестовал против того, что «на осли» ехал не патриарх, при участии царя, то для отцов Собора 1678 г. существенно, что коня вел не царь [19, с. 166–167].

Видно, что церемонии играли значительную роль в репрезентации верховной власти. Призванные, по большей части, демонстрировать гармонию между светской и церковной властью, церемонии превращались в своеобразный «театр власти», в представлениях которого находили свое выражение основополагающие политические идеи, образы и стереотипы [20, с. 18]. В контексте церемонии «шествия на

осляти» в Вербное воскресенье соотношение царя и патриарха менялось в зависимости от конкретной политической ситуации. Пока Никон возглавлял Церковь, акценты смещались в пользу патриарха, после его ухода — в сторону Алексея Михайловича.

Примечания

¹ Вход Господень в Иерусалим, Вербное воскресенье — христианский праздник, отмечаемый в воскресенье, предшествующее неделе Пасхи, т. е. шестую неделю Великого поста.

² Верба — символ процветающего и вознаграждаемого благочестия.

Библиографический список

1. Строев, П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви / П. Строев. — СПб. : Изд. Археограф. комиссии, 1877. — 573 с.
2. Дело о патриархе Никоне. — СПб. : Изд. Археограф. комиссии, 1897. — 453 с.
3. Мф. 21, 1—8.
4. Успенский, Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б. А. Успенский. — М. : Языки русской культуры, 1998. — 680 с.
5. Савва, В. Московские цари и византийские василевсы / В. Савва. — Харьков : Тип. М. Зильберберг и с-вья, 1901. — 406 с.
6. Андреев, И. Л. Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях / И. Л. Андреев // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. — М. : Наука, 2008. — 443 с.
7. Забелин, И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / И. Е. Забелин. — М. : Языки русской культуры, 2000. — 480 с.
8. Джораева, С. В. Государственно-церковные отношения в России (опыт философско-исторического анализа) : автореф. дис ... канд. филос. наук / С. В. Джораева. — М., 1997. — 23 с.
9. Боханов, А. Н. Самодержавие. Идея царской власти / А. Н. Боханов. — М. : ТИД «Русское слово — РС», 2002. — 352 с.

10. Каптерев, Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. Т. I. / Н. Ф. Каптерев. — М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, 1996. — 524 с.

11. Каптерев, Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. Т. II. / Н. Ф. Каптерев. — М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, 1996. — 547 с.

12. Зызыкин, М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи В. 3 ч. Ч. 2. / М. В. Зызыкин. — М. : Ладомир, 1995. — — 384 с.

13. Воробьева, Н. В. Историко-канонические и богословские воззрения патриарха Никона / Н. В. Воробьева. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. — 416 с.

14. Письмо патриарха Никона к Цереградскому патриарху Дионисию // Записки отделения русской и славянской археологии императорского русского археологического общества. — СПб., 1861. — Т. II. — 805 с.

15. Мысли русских патриархов от начала до наших дней. — М. : Сретенский монастырь ; «Новая книга» ; «Ковчег», 1999. — 560 с.

16. Карташев, А. В. Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 2. / А. В. Карташев. — М. : ТЕРРА, 1992. — 569 с.

17. Лобачев, С. В. Патриарх Никон / С. В. Лобачев. — СПб. : Искусство-СПб, 2003. — 416 с.

18. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. — СПб., 1836. — Т. 4. — № 223.

19. Успенский, Б. А. Царь и Бог / Б. А. Успенский // Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. — М. : Гнозис, 1994. — 432 с.

20. Уортман, Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии / Р. С. Уортман. — М. : ОГИ, 2004. — 605 с.

СКРИПКИНА Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук филиала в г. Омске Российского заочного института текстильной и легкой промышленности, докторант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.
Адрес для переписки: e-mail: evs705@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 13.12.2010 г.

© Е. В. Скрипкина

Книжная полка

Штереншис, М. Евреи: история нации / М. Штереншис. — 2-е изд. — М. : Феникс Исродон, 2011. — 560 с. — ISBN 978-5-222-18902-3.

История евреев насыщена драматическими событиями и резкими поворотами судьбы. Не раз народ оказывался на грани гибели, но каждый раз необычайным образом возрождался к жизни, всегда готовый к новым необыкновенным приключениям. И каждый раз хватал приключений полной ложкой. «Известно, что каждый народ растет, стареет и умирает». Так писали историки сто лет назад. И для многих народов это правда, но евреи опровергают это правило. Они существуют четыре тысячи лет, а глядя на то, что происходит в Израиле, может показаться, что этот народ лишь в начальной стадии своего развития. Отсюда видны важность темы и необходимость предлагаемой книги.

Головин, Н. Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 годах. В 2 т. / Н. Н. Головин. — М. : Айрис-пресс, 2011. — 1264 с. — ISBN 978-5-8112-4317-4.

Книга видного военного теоретика генерала Н.Н.Головина (1875—1944) Представляет собой крупнейший обобщающий труд по истории контрреволюционного Белого движения, впервые изданный в эмиграции в 1937 г. Автор рассматривает весь спектр политических и военных организаций, возникших с марта 1917 г. по конец 1918 г. и пытавшихся противостоять разрушению российской государственности. Освещаются события на всех фронтах Гражданской войны, анализируются причины первоначальных успехов и последующих неудач Белых армий. Авторские приложения содержат картосхемы и множество редких документов.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ В КАРТИНЕ МИРА ДЕКАБРИСТОВ

В предлагаемой статье предметом изучения становятся представления декабристов о времени не только как часть исторического сознания русского образованного общества первой половины XIX века, но и базовая часть картины мира декабристов. Век, столетие, эпоха, период — основные единицы измерения времени, употребляемые декабристами. Представления о времени рассматриваются через восприятие декабристами периодов российской истории.

Ключевые слова: декабристы, картина мира декабристов, время, представления о времени, век.

При интерпретации событий прошлого актуально востребованными становятся не столько сами события, сколько представления людей, действующих в этих событиях, их модели восприятия и оценки действительности жизни. Одной из возможностей актуализации прошлого является выделение новых категорий познания. В их числе — категория «картина мира» как типологическая модель эпохи, культуры, социальной группы. Через категорию «картина мира» можно выразить социальные и культурные начала, которые смыкаются в личности человека и создают внутренний механизм адаптации к миру.

Рассуждения о категории «картина мира» могут показаться сегодня достаточно хорошо известными, а потому и не нуждающимися в пространном обосновании, поэтому речь должна идти, прежде всего, о ее применении. В современной науке тем не менее вновь актуализированы проблемы «трудностей и парадоксов исторической терминологии», «понятий и категорий в историческом исследовании», методов насыщенного описания прошлого и его интерпретации [1].

Категориальные системы в гуманитарных науках являются предельно общими понятиями, отражающими связь реальной действительности с ее восприятием и познанием. Они используются как системы жизненных ориентиров и восприятий. Категория «картина мира» введена создателями школы «Анналов». А. Я. Гуревич пишет о том, что в начале 1960-х гг. возобновилась история ментальностей (намеченная в трудах Л. Февра и М. Блока в 1930-е гг.), но «вскоре же история ментальностей стала менять свой познавательный статус и перерастать в историческую антропологию, нацеленную на реконструкцию картин мира» [2].

Исследователи обращают внимание на многообразие и неисчерпаемость «картины мира», реконструкция которой усиливает точку зрения субъектов исторического процесса, усиливает «образ другого». Значимым признается то, что значимо для участников и авторов событий. Диалог с человеком из прошедшего времени предполагает наличие собственной системы ценностных ориентиров и других аспектов сознания и эмоциональных реакций, отражающих знание жизни и отношение к ней. Выделение категории картина мира позволяет изучать механизмы ориентации — адаптации в мире субъекта истории, способы конструирования идентичности,

а также осуществлять сравнение несинхронных исторических потоков, включающих себя и другого.

Эвристический потенциал категории «картина мира» достаточно оценен в исторической науке. В теоретических подходах, таких, например, как школа «Анналов», культурно-семиотический подход, антропологически ориентированная история, выделяется два параметра, характеризующих данную категорию: 1) содержание сознания, проявляющееся через систему представлений — знаний о мире, то, что называют «реальным сознанием» [3]; 2) эмоционально-чувственная система человеческих жизненных ориентаций, или «живой опыт» в его вербальном и невербальном воплощении.

Постановка задачи воссоздания представлений носителей изучаемой культуры в ее собственных терминах и конструкциях, в которые они сами себя помещали и в которых себя выражали, стало проявлением общей тенденции в развитии современного гуманитарного знания, изучающего феномен «другого/иного». Современные исследователи в картину мира как систему представлений о мире включают и представления о времени, закрепленные в различного рода текстах [4, 5].

Проблема интерпретации образа прошлого на основе категории «картина мира» как типологической модели может быть представлена предметно в переходные моменты истории, когда для человека, живущего в изменяющейся исторической реальности, актуализируется выбор оснований жизненных смыслов и человеческих ориентаций, способов конструирования идентичности. Важен не только факт интерпретации адекватного содержания «картины мира» субъектов, действующих в истории, но и факт выявления их взаимодействия в аспекте конструируемой субъектами идентичности.

Таким переходным моментом в истории является и восстание на Сенатской площади 1825 года. Если сам факт изменения исторической реальности после этого события долгое время был, есть и будет предметом споров историков, то изменение жизни самих декабристов, изменение их мироощущения не вызывает сомнений. Активная общественная жизнь декабристов сменяется отчаянными попытками сохранить во что бы то ни стало желание жить, которое позднее перерастает в стремление передать потомкам свое собственное мнение об истинном ходе вещей в столь судьбоносное время.

Однако нельзя сказать, что само время именно после восстания становится для декабристов чем-то особенно ценным. Уже в 1821 году В. К. Кюхельбекер в своей лекции о русской литературе и языке, прочитанной в Париже, говорит: «...насилие, принуждение никогда не искоренят из человеческих душ то, что в них развил ход времени. Опыт и история утверждают эту великую истину» [6, с. 374]. Само время признается декабристом величайшей силой развития. Это говорит о том, что идеи Просвещения, порожденные XVIII веком, продолжают занимать устойчивое положение в сознании современников и следующего века.

Н. М. Муравьев уверен: «От времени до времени рождаются новые понятия, новые мысли. Они долго таятся, долго созревают, потом быстро распространяются и производят долговременные волнения, за которыми следует новый порядок вещей, новая нравственная система» [6, с. 584]. В представлении декабриста все значительные перемены в обществе требуют долгого времени для развития идеи, и ускоренного, быстрого — для ее воплощения. По мнению В. С. Парсамова, «в декабристских идеях «всплывают» обломки мифа, созданного деятелями французского Просвещения в середине XVIII века и разрушенного в ходе Великой французской революции» [7, с. 55].

В 1819 году В. И. Штейнгель, ссылаясь на то, что «летосчисление» — достойный предмет, «о котором читатели наши не находят на отечественном языке полных, удовлетворительных сочинений» [8, с. 86], предпринимает написание «Опыта правил полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стилия». В самом начале своего сочинения декабрист определяет: старый стиль — «наше время», новый стиль — «их время» (т.е. иностранцев). В приближении старого стилия к новому декабрист преследует исключительно просветительские цели. Однако само разделение на «наше» и «их» время демонстрирует то, что В. И. Штейнгель все-таки еще не готов воспринять идеи европейского Просвещения как абсолютную истину.

Влияние просвещения прослеживается и в рассмотрении исторического постепенного обозрения времяисчисления декабристом. Для В. И. Штейнгеля — в разные времена оно «было и есть» лунное и солнечное.

Сравнение хода времени с развитием человеческого организма стало основным принципом написания одного из сочинений Д. И. Завалишина. «...развитие отделов человечества должно совершаться, как и развитие всего человечества, по тем же законам, как совершается и развитие отдельного человека», — пишет декабрист уже в первых строках своего сочинения [9, с. 5–6]. «В младенчестве преобладает память и воображение, затем следует период чувства; за этим период — развитие ума, потом воли и наконец совести» [9]. «Первые постояльцы земли», по мнению Д. И. Завалишина, в восприятии окружающей действительности руководствовались главным образом чувствами. Это сочинение было написано декабристом уже после середины XIX века. Но в своем понимании хода времени он как будто развивает мысль В. И. Штейнгеля. Начальный период истории человечества для В. И. Штейнгеля — это время поклонения народов солнцу и луне, когда люди были исполнены «чувствами живейшей благодарности к невидимому существу, столь тщательно о них заботившемуся» [8, с. 94].

Между тем в своем подходе к выделению периодов развития человечества Д. И. Завалишин приближается и к современным ему историкам. С. М. Соловьев также выделяет «первый возраст бытия» народов, когда «люди поддаются господству чувства и воображения» [10].

Декабристы рассуждают о том, как постепенно формировались понятия народов об измерении времени. По мнению И. М. Савельевой, «осмысление единиц времени разной значимости и продолжительности в контексте исторической концепции, распространяемой на все общество во всех его проявлениях произошло именно в Новое время» [11, с. 515].

Для декабристов наиболее употребляемой единицей измерения времени является век, столетие. Век в восприятии времени декабристами имеет весомое значение [6, с. 582]. Потребность в различении отдельных этапов исторической жизни и осмыслении их специфического содержания, по мнению современных историков, возникла в процессе развития исторического знания, а выделение этапов «по существу означает определение единиц времени, которые отличаются наполненностью неким содержательным смыслом» [11].

Наряду с использованием века в качестве единицы времени декабристы все чаще придавали ему и символическое значение. В своих показаниях следственной комиссии П. И. Пестель отмечает: «К тому же имеет каждый век свою отличительную черту» [12, с. 145]. Так, у Н. А. Бестужева время Петра I — «начало нового для России века» [13]. А для М. А. Фонвизина, напротив, «самый нестройный хаос», «этот вековой хаос», когда «бесчисленное множество именных указов, выражение чрезмерной деятельности Петра, при отсутствии всякой системы породили в законодательстве величайшую запутанность» [14, с. 116].

А. А. Бестужев само время правления первого российского императора называет его именем — «век Петра», когда «материальная Европа хлынула в Россию» [15, с. 438]. Сопрежение с началом правления властителя является одним из наиболее древних способов выбора точки отсчета времени. Все «века» такого типа действовали на очень небольшом промежутке времени, ограниченном сроком пребывания у власти монарха или правителя. Н. М. Муравьев на примере римской истории также называет века именами правителей [6, с. 585].

В своих литературно-критических статьях декабристы также употребляют категорию века в ее символическом значении. Но теперь в качестве символа выступают явления, характерные для того или иного периода. Продолжительность периода, названного веком, в данном случае не обязательно численно равна столетию. А. А. Бестужев в европейском средневековье выделяет «век рыцарства и разбоев» как «век набожности и любви», «эпоху самую драматическую, самую поэтическую» [15, с. 428].

Совсем другой пример обозначения времени декабристами наблюдается в описании явления ордынского нашествия на Русь. Наиболее употребляемое название этого времени декабристами — «двухвековое владычество Орды» [14, с. 108; 16, с. 305]. Наряду с этим названием А. А. Бестужев определяет его «временем татарства» [15, с. 454], а В. К. Кюхельбекер — как «варварское время» [6, с. 375]. Н. М. Карамзин так же характеризует данный период российской истории, как «двухвековое порабощение России», время, когда «сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу» [17]. Так

же как и Н. М. Карамзин, декабристы признают просвещение основой исторического развития человечества.

И, конечно, более всего суждений декабристы посвящают своему веку. В. И. Штейнгель характеризует современное ему время как «наш просвещеннейший век» [8, с.65]. С другой стороны, для него это «век великих, несбыточных и ужасных происшествий» [8].

А. А. Бестужев уверен: «Мы живем в веке историческом; потом в веке историческом по превосходству» [6, с. 416]. Сама метафора «век истории», по мнению И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, «во многом обязана своим появлением именно романтической историографии» [18]. В качестве подтверждения исследователи приводят слова, написанные одним из основоположников романтической историографии О. Тьерри в 1834 году. А. А. Бестужев в своих письмах неоднократно обращается к идеям О.Тьерри. Поэтому влияние романтической историографии на восприятие века современного декабристу становится очевидным. Более того, это определение века и позднее употребляется в сочинениях современников декабристов. В 1842 году В. Г. Белинский пишет: «Век наш по преимуществу исторический век. Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою во все сферы современного сознания» [19].

П. Каховский в показаниях следственной комиссии замечает, что «последняя половина прошлого столетия и события нашего века столь богаты различными переворотами в правлениях, что мы не имеем нужды ссылаться в века отдаленные» [12, с. 147]. Вторит ему в своих рассуждениях и Н. И. Тургенев: «...ныне, когда дух времени в несколько лет пролетел несколько столетий...» [12, с. 34]. Современное декабристам время в их восприятии как будто ускоряется, становится более насыщенным. В то время как предшествующие века получают свое название лишь по некоторым характерным для них явлениям или по имени наиболее деятельных в отрицательном или положительном смысле правителей.

Древние времена, напротив, воспринимаются декабристами односложно. Восприятие старины осуществляется декабристами сквозь призму просветительской парадигмы. В. Д. Сухоруков пишет о начале истории Земли Войска Донского: «Издrevле обитали здесь народы, но погруженные в невежество и покрытые мраком времен баснословных» [20]. «Происхождение всех народов древности теряется во тьме баснословия» и по мнению В. И. Штейнгеля [8, с. 93].

Чем дальше отдаляются декабристы от судьбоносного для них события, тем более ценным становится для них время. Они начинают по-другому относиться не только к прошлому, но и к настоящему и будущему. Уже в 1830 году А. А. Дельвиг в одной из своих рецензий еще пишет о времени как о «поминутно обогащающем нас и новыми опытами, и новыми идеями» [21, с. 185].

Декабристы, оказавшиеся в ссылке, уже с меньшим оптимизмом относятся к будущему, почти не замечают настоящего и тоскуют по прошлому. П. А. Катенин пишет в одном из писем Н. И. Бахтину: «У вас, по крайней мере, хлопчут, болтают, а здесь мертвая тишина...Театр откроется неизвестно когда» [22].

Время, проведенное в ссылке, тягостно воспринималось декабристами. Слабым утешением для них служит лишь то, что «наконец» могут заняться тем, что все время откладывали в связи с занятостью [8, с. 225].

А ближе к середине века многие декабристы начинают задумываться о написании мемуаров, записок, содержание которых предназначалось бы потомкам. А. Г. Тартаковский, посвятивший несколько своих исследований проблеме мемуарного творчества, так характеризует это время: «Первоначально произведения мемуарного жанра создавались ради удовлетворения духовных потребностей автора, его близких и потомков» [23]. Такое истолкование задач мемуаротворчества и эволюция, которую претерпело в этом отношении русское общественное сознание на протяжении первой половины XIX века, характерно и для мемуаров декабристов.

В. И. Штейнгель уже с большей уверенностью пишет в своих записках: «Наконец, должен я сказать, что не из тщеславия, не из лести и пристрастия, не из выгод личных употребил я слабые способности мои для начертания сего повествования, но единственно в той сильной уверенности, что всякий сын Отечества должен все телесные и умственные силы свои употребить для пользы и славы своих соотечественников как современных, так и будущих» [8, с. 75]. После всех испытаний, выпавших на долю В. И. Штейнгеля, в восприятии им окружающей действительности наиболее устойчивыми остаются античные образцы идеального гражданина в современном ему понимании. Можно сказать, что настоящее и сейчас для него мало что значит. Он живет прошлым.

Декабристы начинают осознавать в своих размышлениях о времени необходимость изучения прошлого. Важным становится само отношение к времени как к чему-то ценному, которое необходимо не только рационально использовать в настоящее время, но и стремиться учесть опыт прошлого, проектируя его на будущее. Иначе, по словам Г. С. Батенькова, «вся громада наша явится без содержания, стереометрическим телом, лишенным красоты и теней, и все прожитое время издержкою» [24].

Представления о времени являются одним из элементов картины мира декабристов. В восприятии декабристов время локализуется, приобретает границы. Век, столетие, эпоха, период — основные единицы измерения времени, употребляемые декабристами. Осознание ценности времени, необходимости закрепления знаний о прошлом пришло к декабристам постепенно. Переломным моментом в восприятии времени декабристами, конечно же, явилось восстание на Сенатской площади 1825 года. Необходимость изучения прошлого осознавалась декабристами и до участия в этом судьбоносном событии, но тогда это осуществлялось с большим вниманием к событиям настоящего, нежели прошлого. Позднее, уже во время или после возвращения из ссылки, прошлое воспринималось декабристами в большей степени отдельно от настоящего. Они как будто сами жили этим прошлым, старались понять его и стремились передать потомкам свое собственное мнение о событии, которое уже к этому времени заняло определенное место в российской истории.

Библиографический список

1. Юсим, М. А. Нормативная лексика историка / М. А. Юсим // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI в. — М. : ИВИ РАН, 2008. — С. 64–65.
2. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. — М. : Индик, 1993. — С. 293.

3. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Работы 20-х гг. — М. : Языки славянских культур, 1994. — С. 47—48.
4. Анисимова, В. В. Отражение категории времени как одного из элементов картины мира / В. В. Анисимова // Текст как отражение картины мира : сб. научных трудов / под ред. И. Г. Леонтьевой, И. Г. Кузнецова, Н. В. Старостиной. — М. : Изд-во МГИИЯ, 1989. — Вып. 341. — С. 66.
5. Хренов, Н. А. Художественная жизнь императорской России / Н. А. Хренов, К. Б. Соколов. — СПб. : Алетейя, 2001. — С. 141.
6. Литературное наследие / под ред. А. М. Иголина. — М. : Изд-во АН СССР, 1954. — Т. 59. — С. 374.
7. Парсамов, В. С. Декабристы и Франция / В. С. Парсамов. — М. : РГГУ, 2010. — 432 с.
8. Штейнгель, В. И. Сочинения и письма. В 2 т. Т. 2. / В. И. Штейнгель. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1992. — 448 с.
9. Завалишин, Д. И. Опыт объяснения истории человечества и устройства человеческих обществ по внутренним началам / Д. И. Завалишин. — 1886. — 71 с.
10. Соловьёв, С. М. Чтения и рассказы по истории России / С. М. Соловьёв. — М. : Правда, 1989. — С. 415.
11. Савельева, И. М. Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 1 / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — СПб. : Наука, 2003. — 632 с.
12. Меч и лира. Литературное наследие декабристов : антология / сост. В. Орлов. — М. : Художественная литература, 1976. — 368 с.
13. Бестужев, Н. А. Опыт истории Российского флота / Н. А. Бестужев. — Л. : Государственное союзное изд-во, 1961. — С. 83.
14. Фонвизин, М. А. Сочинения и письма. В 2 т. Т. 2. / М. А. Фонвизин. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1982. — 432 с.
15. Бестужев — Марлинский, А. А. Сочинения. В 2 т. Т. 2. / А. А. Бестужев — Марлинский. — М. : Художественная литература, 1981. — 522 с.
16. Тургенев, Н. И. Россия и русские / Н. И. Тургенев. — М. : ОГИ, 2001. — С. 305.
17. Карамзин, Н. М. Об истории государства Российского / Н. М. Карамзин ; сост. А. И. Уткин. — М. : Просвещение, 1990. — С. 133—134.
18. Савельева, И. М. История и интуиция : наследие романтиков / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — М. : ГУ ВШЭ, 2003. — С. 13.
19. Белинский, В. Г. Руководство к всеобщей истории / В. Г. Белинский. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.azlib.ru/b/belinskij_w_g/text_0470.shtml (дата обращения: 23.01.2011).
20. Сухоруков, В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского. В 2 т. Т. 1 / В. Д. Сухоруков. — Новочеркасск, 1869. — С. 1.
21. Дельвиг, А. А. Избранное / А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер. — М. : Правда, 1987. — С. 185.
22. ОР РНБ. Ф. 682. № 670. Л. 47.
23. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половине XIX веков. От рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. — М. : Наука, 1991. — С. 7.
24. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов / общ. ред. Ю. Г. Оксмана. — М. : Изд-во политкаторжан, 1933. — 456 с.

ВОЛЬФ Светлана Павловна, специалист по учебно-методической работе отдела методической работы и образовательных инноваций Омского государственного аграрного университета, аспирантка кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета.
Адрес для переписки: e-mail: swetljanika@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 21.01.2011 г.
© С. П. Вольф

Информация

Всероссийская историко-литературная премия «Александр Невский»

Оргкомитет Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» объявляет о начале конкурсного года 2011—2012.

Принимаются заявки на участие в двух конкурсах:
— литературных исторических произведений
— музейных мемориальных проектов.

Первое изменение, которое ждет конкурс в 2012 году, — это изменение исторического периода, который могут затрагивать участвующие в конкурсе произведения (ранее этот период включал историю от древнейших времен до 1945 года включительно). Теперь к рассмотрению Конкурсной комиссии допускаются литературные произведения и музейные проекты, **охватывающие период отечественной истории с древних времен до 1991 года включительно**.

В конце 2011/2012 конкурсного года будут определены лауреаты первых трех премий и специальных наград по шести номинациям, также будет объявлен победитель специальной премии для журналистов «Собратья», которая стала уже традиционной.

Премиальный фонд составляет 1 800 000 рублей.

Сбор конкурсных заявок продлится **до 12 июня 2012 года**, а церемония награждения лауреатов приурочена к 12 сентября, дню Святого благоверного князя Александра Невского.
Информация на сайте Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский»: <http://www.alexander-nevsky.ru>

МЕЛКАЯ ЗЕМСКАЯ ЕДИНИЦА В ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСКУССИЯХ КОНЦА XIX В.

Статья посвящена одной из актуальных проблем местного самоуправления — мелкой земской единице. Бесспорно, что современная система местного самоуправления далека от идеала, поэтому законодатели, общественные деятели и ученые стараются найти ответы на интересующие их вопросы в далеком прошлом. Проблемы мелкой земской единицы раскрываются на основе дискуссий между консерваторами и либералами не только в печати, но и в собраниях земских деятелей. В статье рассматриваются следующие дискуссионные проблемы: своевременность введения мелкой земской единицы, ее взаимоотношения с уездным земством.

Ключевые слова: мелкая земская единица, местное самоуправление, «Вестник Европы», «Московские ведомости», всесословное земство.

О мелкой земской единице мечтало не одно поколение российских общественных деятелей. Да и сам вопрос о всесословном земстве имеет почтенное прошлое. Так, первые предложения о создании волостной единицы самоуправления появились ещё в 50-х г. XIX в., в период подготовки Великих реформ.

По словам профессора М. Д. Загряжкова, система российского самоуправления после земской реформы 1864 г. стала подобна зданию в три этажа с пристройкой к нижнему [1, с. 88]. Этот нижний этаж здания составляли волостные, второй — уездные и третий — губернские земские учреждения. Кроме этого, первому этажу соответствовали и органы городского самоуправления, которые, в зависимости от статуса города, могли иметь права уездных или губернских земств. Имелась в этом не очень стройном здании «без крыши» и пристройка к нижнему этажу — это поселковое управление. По словам Б. Б. Веселовского, поселковое самоуправление и по характеру, и по правам являлось «переходной ступенью между обычным сельским управлением и городским самоуправлением» [2].

В данной работе рассматривается нижний этаж здания самоуправления — волостное земство, в частности та длительная борьба, которую вело земство за введение мелкой земской единицы. С развитием хозяйственной деятельности земства сталкивались с необходимостью проводить свои мероприятия при содействии населения. Затрудняло местную работу отсутствие низовых органов земского самоуправления, приближенных к сельскому населению. Уездное земство оказалось слишком далеким и малодоступным. Эта ситуация возникла при введении Положения 1864 г. и в дальнейшем, по Положению 1890 г., была усугублена: представительство крестьян в земских учреждениях сократилось до одной трети всех гласных.

А. И. Шингарев, видный общественный деятель и исследователь российской деревни, дал такую оценку проведенным преобразованиям: «Земские реформы 60-х годов — и в этом состоял их величайший недостаток — не только не были продолжены вверх (до народного представительства) и вширь «по всему лицу земли русской», но не были закончены

и вниз» [3, с. 27]. Земское самоуправление даже во внутренних губерниях Европейской России не пошло дальше организации уездного земства, осталось далеким от самой толщи населения. Реформирование земств в 1890 г., создав из них сословное представительство, сильно сократив права крестьян и установив привилегию для помещичьего дворянства, не только еще более удалило сельское население от земской жизни, но и усилило отчужденность ее от земской работы.

Различие мнений о необходимости введения мелкой земской единицы вылилось в широкую полемику на страницах журналов, продолжавшуюся несколько десятилетий. В конце 70-х — 80-х гг. XIX в. эту проблему разрабатывал «Вестник Европы», «Внутреннее обозрение» которого многие годы вел К. К. Арсеньев [4]. Он наиболее четко сформулировал положения о введении волостного земства как части программы либеральной земской общности. Мелкая земская единица представлялась на страницах «Вестника Европы» необходимым фундаментом российского земства [5]. Её органическое слияние с сельским обществом и гармоничное сочетание с уездными и губернскими земскими учреждениями являлось для журнала бесспорной предпосылкой реорганизации земства. Всесословность и равенство представительства в волостном земском собрании предполагалось достигнуть на основе сочетания невысокого имущественного и образовательного цензов. При этом преимущество крестьянских выборных над землевладельцами обеспечивалось численным перевесом [6].

Исследователь Б. Б. Веселовский, также относящийся к сторонникам волостного земства, полагал, что интенсивное развитие земствами экономической, медицинской и культурно-образовательной деятельности требовало непосредственной связи земских учреждений с широкими слоями населения. «Сама жизнь, — писал он, — диктует образование мелких общественных единиц для упорядочения различных отраслей земского хозяйства» [7, с. 691]. Экономическая целесообразность создания волостного земства дополнялась тем, что для значительной части земских деятелей мелкая земская единица представ-

лялась институтом самодеятельности местного населения, школой гражданственности.

Эта точка зрения земцев-либералов вызывала протест консерваторов, определивших требования введения всесословной волости как разновидность «конституционных бредней». Трибуной для критики либеральных взглядов на развитие земского самоуправления являлись «Московские ведомости» [8]. По их мнению, земские начальники, «объединяя лучшие элементы деревни», полностью решали вопросы сельского управления [9].

«Более чем странно предполагать, — возражал газете «Вестник Европы», — что 5 — 10 должностных лиц на уезд, влияние которых сплошь и рядом обратно пропорционально их власти, могут заменить собою несколько десятков или сотен развитых и более или менее зажиточных людей, живущих на месте, пользующихся доверием населения, разделяющих его потребности и относящихся к нему не как начальство, а как первые между равными» [10].

Сочетание мелкой земской единицы с властью земского начальника представлялось К. К. Арсеньеву вообще лишённой смысла: «Пока институт земских начальников сохраняет свой настоящий характер, замена крестьянской волости всесословною не представляется желательною, потому что новое учреждение было бы неизбежно подчинено земскому начальнику; подчиненность совершенно извратила бы его значение» [11]. А. И. Шингарев так же считал, что крестьянская волость, будучи замкнутой в строго сословные рамки, подавленной бременем выкупных платежей, местных расходов, а с 1899 г. отданной под опеку земским начальникам, лишилась практически всякой культурно-хозяйственной жизни, превратилась в своеобразную «форму низшей судебной-административной полицейской расправы» [3, с. 27].

Противниками мелкой земской единицы, точнее своевременности ее введения, а также демократизации низового земского звена выступали и некоторые известные земцы. В начале XX в. на страницах «Вестника Европы» были опубликованы некоторые яркие и спорные выступления земских деятелей [12]. В частности, противником мелкой земской единицы являлся В. Д. Кузьмин-Караваев, гласный Бежецкого уездного и Тверского губернского земского собрания. Речь, произнесенная им в Тверском губернском уездном собрании 19 ноября 1901 г. была опубликована, ее содержание породило очередную дискуссию в обществе по вопросу о волостном земстве [12, с. 346 — 353]. Кузьмин-Караваев подчеркивал, что мелкая земская единица — это враг земства, поскольку ее введение приведет к понижению земской деятельности, а все управление будет отдано «массе некультурной и не сознающей своих прав, что, в конечном счете, приведет к уничтожению всякого культурного начинания земства» [13, с. 136]. Таким образом, он опасался, что преимущественно крестьянские (по составу) земские учреждения утратят свой общественный, культурный и, даже возможно, политический характер, сосредоточившись даже не на местных, а на местечковых интересах. Низведение земской деятельности до уровня «своей колокольни» в таком смысле было, по мнению автора, в большей степени выгодно бюрократическим структурам, а не населению.

Так или иначе, но реформирование крестьянской волости признавали необходимым и сторонники, и противники мелкой земской единицы. Сословно замкнутая и задавленная налогами, низведенная до

положения административно-фискальной и полицейской низовой единицы, она должна была стать фундаментом местного самоуправления. Другой вопрос в том, каким образом, это могло осуществиться.

Именно от «прежней» волости и избирались земские гласные от крестьянства или, на официальном языке, — от сельских обществ. По земскому Положению 12 июня 1890 г. из общего числа 10 229 гласных в 34 земских губерниях, «от сельских обществ» избирались на всю земскую Россию около 3 тыс. гласных, что составляло до 30% от общего числа. Между тем по земскому Положению 1864 г. из 13 329 уездных гласных, по данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, число гласных крестьян в 60-х и 80-х гг. XIX в. составляло более 38 % (в 1864 — 1886 гг. — 38,5%, в 1883 — 1886 гг. — 38,4 %) [14]. По Положению 1890 г. от 1-го избирательного собрания (от дворянского землевладения) полагалось более 57 % всего числа уездных гласных, между тем как в земствах до того времени (по Положению 1864 г.) число дворян и чиновников среди гласных не превышало 42 — 45 % [1, с. 89].

Проходивший в Москве в феврале 1901 г. съезд деятелей агрономической помощи местному хозяйству обратился ко всем земствам с предложением поставить и обсудить вопрос о мелкой земской единице [15]. Однако на местах мнения разделились. На сессиях земских собраний 1901 г. за мелкую земскую единицу единогласно высказывались лишь Воронежское и Новгородское земства (Курское и Ярославское, обсудив вопрос, передали его на решение своим управам). Председатель Новгородской губернской земской управы Н. Н. Сомов высказал предположение, что после введения мелкой земской единицы «земство станет истинно-народным учреждением», которое нельзя будет сломить никакими силами властвующей бюрократии, «как нельзя сломить начала, положенные в основание освобождения крестьян, потому что начала эти стали народным достоянием» [16, с. 333]. К. К. Арсеньев же считал, что «волость, как территория, настолько велика, что располагает достаточными средствами для создания и ведения скромного общего дела, и вместе с тем настолько мала, что все предпринимаемое ею может быть основано на самом точном знании местных условий». Главную беду волости Арсеньев не без оснований видел в том, что «она не получила нормального развития, ее вовсе не коснулось прогрессивное движение... Застыв и омертвев, она стала последней спицей в бюрократической колеснице, вместо того, чтобы быть начальной ячейкой живого организма» [16].

Таким образом, реформа земского самоуправления была однозначно необходимой, по мнению земских деятелей. Во-первых, благодаря данной реформе должно было произойти включение в систему местного самоуправления многочисленного крестьянского населения губернии, которое составляло более 80 % всего населения. Во-вторых, с введением волостного земства, уже на законодательной основе, структура земских учреждений пронизывала бы всю государственную жизнь — от волости до всероссийской земской организации и превращалась в целостную систему местного самоуправления. От выборов в волостное земство во многом зависели также выборы в Учредительное собрание, так как первые являлись своеобразной репетицией вторых и были первыми в истории России всеобщими выборами.

Следует также отметить, что население не могло относиться к земству как к своему собственному

учреждению не только потому, что было введено сословное начало, но и потому, что земство было пространственно далеко от населения. Но не только население было оторвано от земства, но и земство в лице своих представителей местных польз и нужд недостаточно знало всю обслуживаемую им территорию уезда и нужды населяющего ее крестьянства. По словам гласного А. М. Колюбакина, ни в губернских, ни в уездных земских собраниях не было полного знания местных условий, поскольку на каждого гласного приходилось большое число людей и обширная площадь уезда. И действительно, по подсчету И.П. Белоконского, сделанному примерно в то же время, один земский гласный уездного уровня приходился в среднем на 242 квадратных версты и более чем на 6,5 тысячи человек [17].

В 60–70-х гг. XIX в. земская деятельность мало затрагивала интересы деревни, более того крестьяне уезда в большинстве случаев ничего не знали о земствах [1, с. 90]. Позднее деятельность земств стала улучшаться, фактически приближаясь к реальным проблемам местного управления: в деле народного образования, например, выработался тип земской народной школы, в области охраны народного здоровья — земская участковая больница. Что касается экономической области, то здесь тоже не сразу была выработана участковая агрономия, учреждение по обслуживанию кооперативов [7, с. 692]. Таким образом, для истории земства характерно медленное количественное развитие деятельности земств: несколько школ, две-три лечебницы приходилось на весь уезд. Объем и быстрота роста земского хозяйства лучше всего характеризуется изменениями земского бюджета, в то время как при издании земского Положения 1890 г., то есть через четверть столетия после введения земства по Положению 1864 г., весь бюджет земств в 34 земских губерниях по сметам на 1890 г. все еще не превышал 48,4 млн рублей, по сметам на 1914 г. земский бюджет в тех же 34 губерниях достиг уже 297 млн рублей. Помимо изменения объема, изменился и темп развития земской деятельности после 1905–1907 гг. После 1907 года наблюдается быстрый темп увеличения земских бюджетов: с 1907 г. по 1913 г. земский бюджет тех же 34 губерний вырос со 124 млн рублей до 253 млн рублей. Если прежде среднее возрастание не превышало 1 млн рублей, то перед войной оно достигает 30 и более млн в год [1, с. 92].

С конца 90-х г. XIX в. наблюдается рост земских расходов, поскольку у населения возникают запросы к земствам. Исходя из потребности населения, возникает стремление приблизить земские учреждения к населению через создание мелких земских единиц, разделение уезда на районы и введение в них отдельных земских самоуправлений.

Земские деятели отмечали основные недостатки деятельности земских учреждений в новых условиях: 1) земское хозяйство росло, а круг земских деятелей не только не увеличивался, но с каждым годом сокращался ввиду изменений в землевладении; 2) органы земского самоуправления по-прежнему оставались отдаленными от населения и по характеру выборов, и по своему составу, и отдаленными огромными расстояниями [18]. Решением практически всех вопросов виделось создание волостного земства как земской единицы, более мелкой, чем уездное земство, и потому более близкой к местному населению пространственно. Кроме того, отмечалось, что главные органы управления общественным хозяйством — земские собрания и земские управы — не

только не улучшались, но даже ставились в трудное положение, так как вследствие устаревшего закона (Положение 1890 г.) и изменений в составе населения более широкие слои местного населения оказались исключенными из земской организации. Таким образом, подрывался основной смысл местного самоуправления, сила которого состояла в том, чтобы само заинтересованное в деле население ведало свои собственные хозяйственные, культурные и государственные нужды.

Многие общественные деятели осознавали необходимость мелкой ячейки самоуправления и величину государственной опасности, которая могла возникнуть при ее отрицании.

Уже к началу девятисотых годов требование введения приближенного к населению земства стало распространенным земским требованием. Широкое признание это требование получило в постановлениях комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности в России в 1902–1903 гг., а в 1904 г. в связи с волной общественного движения правительству пришлось признать неотложным и подлежащим немедленному исполнению введение приближенного к населению земства. В известном указе 12 декабря 1904 г. верховная власть предоставляла земским учреждениям широкое участие в заведовании местным благоустройством.

Таким образом, вопрос о мелкой земской единице неоднократно обсуждался на различных собраниях, в печати, в таких крупных изданиях как: «Вестник Европы» и «Московские ведомости». Это свидетельствует о том, что данная проблема являлась значимой для общества и острой. Об интересе к данной проблематике свидетельствует и издание сборника статей с одноименным названием, в котором присутствовала вся «палитра» мнений о мелкой земской единице: одобрение, неприятие, одобрение в принципе, но с оговоркой о несвоевременности в данный момент [16]. Одни выступали за наделение мелкой земской единицы административными функциями и полный контроль со стороны администрации, вторые ратовали за полностью самостоятельное существование сословного земства, третьи находились где-то посередине, считая, что должно быть и то, и другое. Но как бы там ни было, мы должны признать, что мелкая земская единица была необходимым для того времени образованием, способным решать и хозяйственные, и государственные задачи.

Библиографический список

1. Френкель, З. Г. Волостное самоуправление [Текст]: его значение, задачи и взаимоотношения с кооперацией / З. Г. Френкель; коммент. Т. М. Говоренковой // Муниципальная власть. — М.: Муниципальная власть, 2002. — № 6. — С. 88–92.
2. Веселовский, Б. Б. Поселковое самоуправление / Б. Б. Веселовский // Муниципальная власть. — 2006. — № 6. — С. 96–101.
3. Шингарев, А. И. Волостное земство (Работа думской подкомиссии 1909 г.) / А. И. Шингарев // Земское дело. — 1910. — № 1. — С. 25–31.
4. Вестник Европы. — 1870. — № 1. — С. 233.
5. Вестник Европы. — 1889. — № 12. — С. 841.
6. Вестник Европы. — 1881. — Кн. 7 (июль). — С. 366.
7. Веселовский, Б. Б. История земства за 40 лет / Б. Б. Веселовский. — СПб., 1911. — Т. 3. — 708 с.
8. Московские ведомости. — 1865. — № 13. — С. 812.
9. Московские ведомости. — 1885. — № 220. — С. 13.
10. Вестник Европы. — 1897. — Кн. 4 (апр.) — С. 812.
11. Внутреннее обозрение. Всесословная волость как единственная возможная основа для правильной организации обще-

ственного призрения // Вестник Европы. — 1897. — Кн. 11 (нояб.). — С. 364–384.

12. Внутреннее обозрение. Противоречия в административной практике по вопросу о «мелкой земской единице». Отношение к нему различных земств // Вестник Европы. — 1902. — Кн. 1 (январь). — С. 442–358.

13. Кузьмин-Караваев, В. Д. Земство и деревня, 1898–1903 г. : статьи, рефераты, доклады и речи. / В. Д. Кузьмин-Караваев. — СПб. : Тип. Т-ва «Общественная Польза», 1904. — С. 124–149.

14. Адрианов, С. А. Министерство внутренних дел. Исторический очерк 1802–1902 г. / С. А. Адрианов. — СПб., 1901. — 226 с.

15. Фортунатов, А. Ф. Задачи деятельности русских местных агрономов / А. Ф. Фортунатов // Труды съезда деятелей агрономической помощи местному хозяйству (10–19 февраля 1901 г.). — М., 1901. — С. 5.

16. Мелкая земская единица : сб. статей / под ред. К. К. Арсеньева. — СПб., 1902. — Вып. 1. — 472 с.

17. О мелкой земской единице : докл., прочит. в заседании Юрид. о-ва при Имп. Харьк. ун-те 25 янв. 1903 г. / И. П. Белоконский. — Харьков : Тип. и лит. Н. В. Петрова, 1903. — 45 с.

18. Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / отв. ред. М. Д. Карпачев. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. — 472 с.

ЕХЛАКОВА Светлана Фёдоровна, аспирантка кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения.

Адрес для переписки: e-mail: ehsvfef@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.03.2011 г.

© С. Ф. Ехлакова

Информация

VIII Всероссийский конкурс региональной и краеведческой литературы «Малая Родина»

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям объявляет прием изданий на VIII Всероссийский конкурс региональной и краеведческой литературы «Малая Родина»

В конкурсе могут принимать участие любые российские издательства и издающие организации, выпускающие литературу региональной и краеведческой тематики.

На конкурс принимаются книги, вышедшие в свет с марта 2011 года по 1 февраля 2012 года. Издания на конкурс принимаются **до 15 февраля 2012 года включительно**.

Конкурс проводится по следующим номинациям:

— «**Мой край**» — научные и научно-популярные издания, посвященные различным аспектам жизни российских регионов в их прошлом, настоящем и будущем, направленные на воспитание исторической памяти и преемственности поколений;

— «**Образ Родины**» — изобразительные и фотоальбомы, воспевающие красоту родного края и представляющие тот или иной край во всем его художественном многообразии, а также книги, путеводители, карты, атласы, справочники, пропагандирующие российские регионы, курорты, музеи и заповедные места с целью привлечения российских и иностранных туристов;

— «**Увлекательное краеведение**» — познавательная и обучающая литература (кроме учебников) в области краеведения для детей и юношества;

— «**Люди нашего края**» — биографические исследования, посвященные выдающимся деятелям науки и культуры, общественным деятелям, прославившим родной край своим именем;

— «**Культура российских регионов. Традиции и современность**» — издания, посвященные народной традиционной культуре регионов, современным достижениям культуры и искусства.

Издания представляются в конкурсную комиссию в двух экземплярах. К представленным на конкурс изданиям прилагаются:

— письмо-обоснование выдвигающей организации;

— краткая аннотация на поданное издание;

— отзывы в прессе (если имеются).

Список изданий, попавших в шорт-лист, а также список победителей конкурса будет опубликован в газете «Книжное обозрение» и на сайте Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (www.farstc.ru). Победители конкурса будут награждены памятными дипломами, номинанты — Почетными грамотами. Торжественная церемония награждения победителей конкурса состоится в рамках **XV Национальной выставки-ярмарки «Книги России», 14–19 марта 2012 года**.

Издания и все необходимые материалы к ним направляются в Управление периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям с пометкой «Конкурс «Малая Родина» (127994, Москва, Страстной бульвар, д. 5. Тел. (495) 629-08-04, 629-07-25, 629-25-77).

Информация о конкурсе опубликована на сайте Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Источник: http://www.rsci.ru/grants/grant_news/258/231215.php (дата обращения: 11.01.2012)